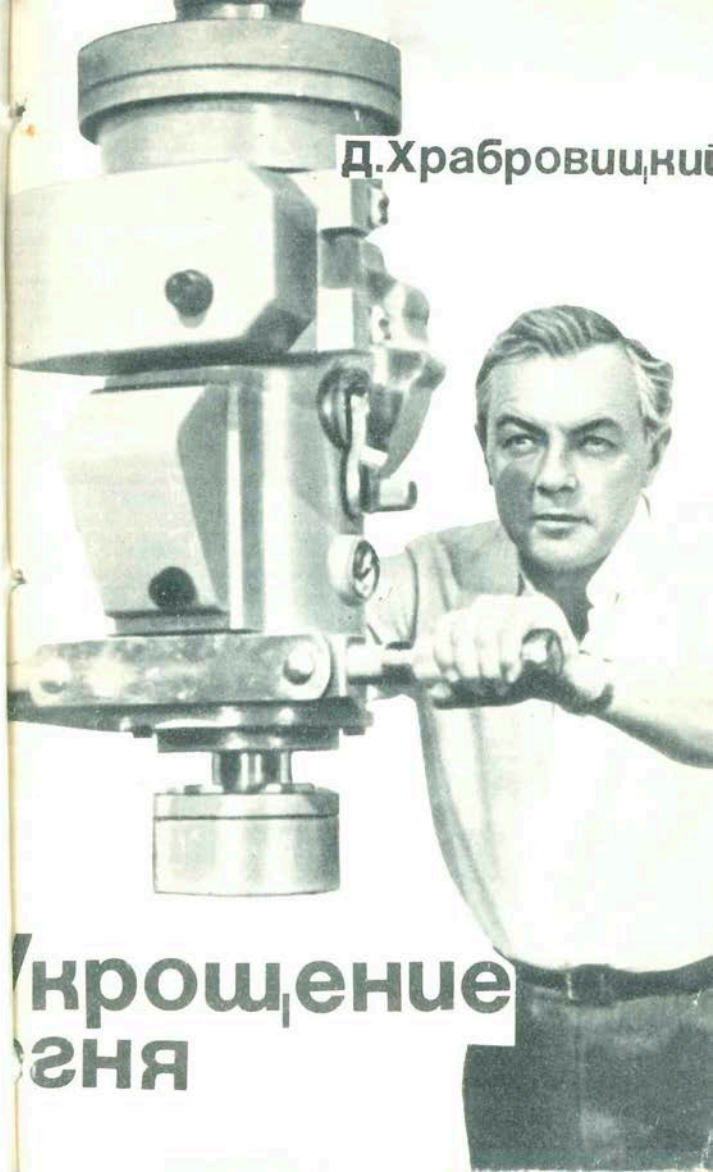
Д. Храбровицкий



Укрощение огня

Даниил Яковлевич Храбровицкий — видный советский кинодраматург. По его сценариям поставлено много художественных фильмов. Среди них: «Четверо», «Исправленному верить», «Все начинается с дороги», «Почтовый роман».

Наибольшую известность Д. Храбровицкому принесли сценарии «Чистое небо» и «9 дней одного года» (написан в содружестве с М. И. Роммом). Фильмы, поставленные по этим сценариям, удостоены многих высоких премий на международных кинофестивалях.

В последние годы Д. Храбровицкий занимается режиссурой. На киностудии «Таджикфильм» им поставлен по собственному сценарию фильм «Перекличка».

Фильм «Укрощение огня» — сценарная и режиссерская работа Д. Храбровицкого. На XVIII Международном кинофестивале в Карловых Варах в 1972 году этому фильму был присужден высший приз — «Хрустальный глобус».

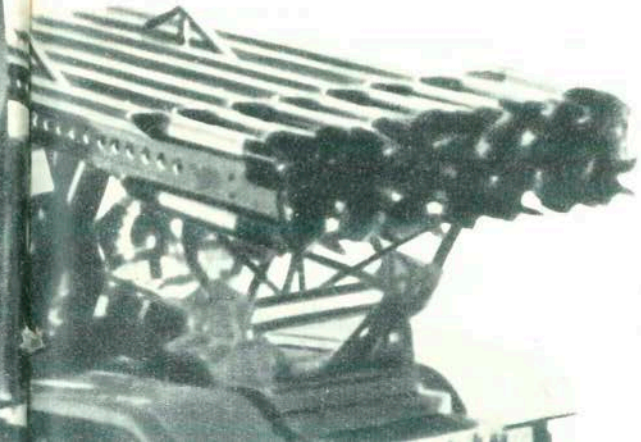
БИБЛИОТЕКА КИНОДРАМАТУРГИИ

Москва «Искусство» 1973

Д.Храбровицкий

Укрощение огня

Киносценарий



Р 2
Х 88

0815-058
Х ——— 141-146-73
025(01)-73

В. Шаталов,
летчик-космонавт СССР,
дважды Герой Советского Союза

ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ

Идет пятнадцатый год космической эры. Ракеты мчатся к Венере и Марсу, в земных лабораториях изучаются лунные камни, а телезрители уже и не вспоминают о том, что смотрят многие программы через спутники связи. Но никогда благодарное человечество не забудет тех, кто начинал прокладывать еще земные трассы ракеты, кто первый дал команду на Байконуре: «Ключ на старт!»

Им посвящен фильм «Укрощение огня» (автор сценария и постановщик Даниил Храбровицкий).

Зрителя заранее честно предупреждают, что, быть может, далеко не все, о чем рассказывается в сценарии, так и происходило в действительности. Однако люди, знакомые с творцами космической техники, нет-нет да и вспоминают их рассказы о прошлом. Как Алексей Михайлович Исаев (кстати, один из консультантов фильма), впоследствии Герой Социалистического Труда и лауреат Ленинской премии, был единственным слушателем лекции (правда, не о космонавтике, а об организации строительных работ) в нетопленном клубе строительства «Запорожстали». Как когда-то юный Сергей Павлович Королев неудачно приземлился на плане-

ре. Как он, уже начальник ГИРДа, встречался и беседовал с Циолковским. И, конечно, вспоминают первый взлет ракеты «09» в подмосковном лесу 17 августа 1933 года. Вспоминают 4 октября 1957 года и 12 апреля 1961 года.

Они были первыми. Это сценарий о Первых...

Через всю двухсерийную картину даже изобразительно проходит тема огня.

Кипит в ковшах раскаленный металл, сметают все на своем пути ослепляющие снаряды «катюш», поднимается к небу огненный гриб атомного взрыва. Словно опираясь на пламя, медленно отрывается от земли ракета. Торжествующе расплескиваются над городом огни праздничного салюта.

Тема огненной стихии, безжалостной и укрощенной. И огня душевного, заставляющего человека не успокаиваться, всю жизнь идти вперед, драться с темнотой.

Как мне кажется, успех новой работы Д. Храбровицкого прежде всего в том, что созданы запоминающиеся, впечатляющие образы замечательных людей — наших современников.

Главный конструктор Андрей Ильич Башкирцев — такой, как написал его Даниил Храбровицкий, как сыграл прекрасный актер Кирилл Лавров, — человек яркий и мудрый, редкого обаяния и душевной щедрости.

Прежде всего герой фильма безмерно талантлив. Талантлив в идеях и делах. Именно потому так предельно требователен он к окружающим людям, что ждет от них мышления столь же высокими категориями. И люди эти не могут не поддаться убеждающей силе его таланта.

Государственный деятель, коммунист, всегда помнящий, сколь многим обязан он партии, родному народу. Естественны для него слова на торжественном кремлевском приеме «миллионы и миллионы нас, имя которым народ» и песня «Смело мы в бой пойдем за власть Советов...».

Запомнились недавно прочитанные слова: «Может быть, масштаб личности более всего и определяется тем, как

далеко и в какой мере человек способен видеть жизнь дальше своего личного предела». Так вот, Башкирцев знает, что увидит лишь первые километры бесконечной космической трассы. С болью признается конструктор другу: «Половина жизни ушла на то, чтобы подступиться к главному. Подступились, а жизнь-то уже почти вся. А главное только еще впереди...» Но он, не задумываясь, отдаст свою жизнь во имя высокой и прекрасной цели человечества: в Космос!

Башкирцев бескомпромиссен и глубоко порядочен. Неправ — признает ошибку, за чужую спину не спрячется. Однако если в чем-то искренно убежден, то не испугается спорить с любым авторитетом и будет стоять на своем.

Хорошо, наверное, что автор сценария не сделал героя этаким «голубым ангелом». Он человек, и ничто человеческое ему не чуждо. По-детски приятно, например, продемонстрировать любимой женщине, что может прямо из машины позвонить в любую точку страны. Порой бывает горяч и несправедлив. Все это нетрудно понять и простить.

Может быть, только напрасно усложнена в картине личная жизнь Башкирцева. Затянувшаяся на десятилетия разлука с женой. Стремление показать цельность натуры, жертвующей всем, даже любовью, ради работы, обернулось, скорее, обеднением личности.

Между тем героиню в сценарии тоже запоминаешь,светловолосую девчонку, стремительно бегущую за планером и уже немолодую, спокойную, твердую в суждениях женщину. Ведь и ею прожита целая жизнь. Веришь, что эта Наташа достойна любви Башкирцева. В ней есть внутреннее достоинство, подспудно чувствуешь, что и она — не последний человек в своем деле. И когда именно Наташу вспоминает Андрей Ильич в последние мгновения своей жизни, просто по-зрительски жаль — так мало были они вместе.

Принципиальная удача создателя сценария и фильма и в том, что Башкирцев оказался на экране не в вакууме. Ярко, выпукло показан коллектив, показаны люди, с которыми ему посчастливилось работать.

Вот Огнев — ближайший друг и соратник Башкирцева. Как будто всегда довольный собой ученый, сибарит, которого трудно задеть за живое. Однако уже с первых страниц спала эта защитная броня самоуверенности, и за ней открылся мягкий, тонкий, глубоко потрясенный горем человек. Невозможно забыть, как стоит он сгорбившись, ничего не слыша, стараясь пиджаком прикрыть от дождя умирающего друга.

Логунов — представитель Центрального Комитета. Через него партия непосредственно осуществляет руководство космическими исследованиями. Здесь его уважают не просто как человека, отмеченного высоким доверием. Логунов тоже умеет широко и нешаблонно мыслить, видит проблему в разных аспектах. Когда надо, бывает крут, категорически настоит на своем, но всегда может понять чужое мнение, прислушаться к нему.

Кадровый военный Головин кому-то покажется и консерватором, чрезмерно осторожным, не любящим рисковать. Что ж, он действительно предпочитает синицу в руках журавлю в небе. Но, наверное, среди всех этих эмоциональных, легко увлекающихся натур должен быть человек столь же горячего сердца, но холодного, расчетливого ума. Для Головина важнее всего оборонный потенциал страны. Есть и его большая заслуга в том, что мы можем не только вырваться в космос, но и одной ракетой сбить врага, украдкой пробравшегося в родное небо.

Вероятно впервые столь подробно и документально точно показан средствами художественного кино космодром. И этот важнейший компонент эмоционального и идейного воздействия фильма заранее был предусмотрен сценарием. Широкоформатная камера не спеша фиксирует не только решающие, кульминационные моменты, но и строгую красоту деловых будней. Сама ракета на сборке кажется каким-то сказочным монументом. Потом ее вывозят из монтажного корпуса на стартовую площадку, и это тоже необыкновенно торжественно. А сколь драматургически увлекательной оказалась напряженная работа центра управления полетом...

Один момент сценария вызывает принципиальное несогласие. Прекрасно понимаю, что все главные герои — образы собирательные, вобравшие в себя черты многих людей. Однако действуют в нем и подлинные исторические личности — например, Циолковский, Курчатов. Когда же показывается на экране первый старт человека в космос, почему-то появляется некий условный персонаж — Космонавт. Каждый зритель свяжет с этим парнем-летчиком, столь радостно крикнувшим вошедшее в историю: «Поехали!» только одного человека — Юрия Гагарина. И удивится— почему не назвали, почему не похож? Знаю, сколь нелегко воссоздать на экране Гагарина, любимца народа, живущего в сердцах миллионов, сколь пристрастны будем мы к постановщику и актеру. Но решиться все-таки стоило.

...Вечен процесс познания. Творцы его подчас остаются безвестны, всенародная слава приходит порой, когда человека уже нет. Очень хочется, чтобы о тех удивительных, талантливых людях, что работают рядом с тобой, народ знал больше, подробнее. Не всегда это возможно. Кино, вероятно, ярче всех других искусств способно оставить в памяти потомков живыми наших замечательных современников. Думаю, их достойно представят и Андрей Ильич Башкирцев со своими товарищами.

Быть может, не все, о чем мы собираемся рассказать, было именно так в действительности.

Это не хроника и не протокол.

Но подлинными являются чувства, мысли, поступки людей и события, которые принадлежат уже истории.

Ракета стояла на пусковом столе. Огромное тело ее с обеих сторон опоясывали фермы обслуживания.

По корпусу стекал белый туман. Он клубами вырывался из-под дренажных клапанов, и мощные боковушки с двигателями первой ступени тонули в белесом мареве. Ракета напоминала невесту в подвенечной фате.

Где-то у подножия ее, на нулевой отметке неторопливо перемещались люди. По сравнению с многометровой громадой ракеты они казались игрушечными.

А вокруг простиралась бескрайняя степь с неподвижным воздухом, пропитанным пылью, и серым небом, в котором висели орлы.

Степь прорезали бетонные стрелы шоссе, стальные нити

подъездных путей, соединявших серые коробки монтажно-испытательных корпусов со стартом. Это и был космодром.

Он был повсюду — на земле и под землей. Невидимые глазу коммуникации соединяли подземные резервуары с ракетой, наполняя ее ненасытное чрево компонентами топлива.

Невдалеке от стартовой площадки, на многометровой глубине, под мощными бетонными перекрытиями был расположен пусковой зал — соединение стекла, дюраля и электроники.

На экранах двенадцати телевизионных мониторов регистрировалось все происходящее в данный момент на старте: на площадке обслуживания, на нулевой отметке, на верхнем силовом поясе и, наконец, там, где третья ступень ракеты венчалась космическим кораблем, закрытым уже головным обтекателем.

У центрального пульта, у боковых стоек, тянувшихся вдоль стен, сидели операторы.

Заместитель главного конструктора по испытаниям Леонид Сретенский уже занял свое место у перископа. В пусковом зале стояла тишина, прерываемая короткими докладами различных служб, которые поступали сюда по каналам громкой связи.

За стеклянной стеной, отделяющей пусковой зал от так называемой «гостевой», располагалось руководство.

Маршал артиллерии Головин заканчивал разговор с Москвой.

— Так, — кивнул он невидимому собеседнику. — Понял. Вопросов нет. Вы будете у себя? Я позвоню.

Опустив телефонную трубку, он направился к Николаю Ивановичу Логунову, который стоял у стеклянной стены и смотрел в пусковой зал.

— Предлагают решать самим,— сообщил Головин.— На месте видней.

Логунов никак не реагировал.

По корпусу ракеты стекал кислород.

ПУСК

— Закончена заправка всех ступеней ракеты-носителя окислителем, — доложили по громкой связи.

— Доклад принят, — разнеслось над космодромом.

— А может быть, все-таки рискнем? — осторожно спросил Головин.

Логунов повернулся к нему:

— Ты спрашиваешь у меня? Кто председатель Госкомиссии — ты или я?

Головин не ответил.

— Андрей Ильич, на минуту! — прозвучало в динамике над головой Башкирцева.

Башкирцев оторвался от перископа. Через боковую дверь, миновав коридорчик, прошел в гостевую. Он был главным конструктором, ему было за пятьдесят, его плотную, приземистую фигуру еще не успела обезобразить полнота.

Сретенский проводил его глазами и, оставив перископ, вышел на середину пускового зала.

Отсюда хорошо просматривалась гостевая. Башкирцев стоял перед Головиным и что-то энергично доказывал ему, помогая себе жестами.

Не вмешиваясь в полемику, в сторонке стоял Логунов, рядом с ним — главный конструктор по двигателям Огнев, чуть дальше еще один главный конструктор — по системам управления — Костромин и, наконец, главный военпред — генерал Морозов.

О чем именно шла речь, в пусковом зале не слышали. Но настораживала амплитуда спора.

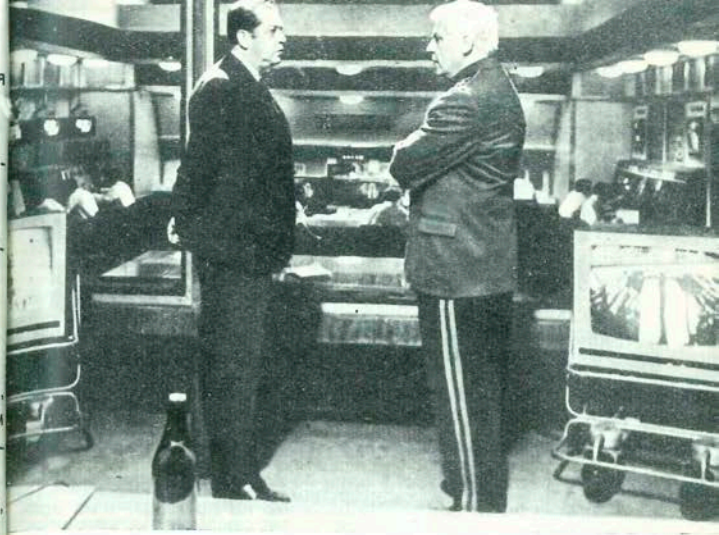
— Не нравятся мне эти срочные вызовы перед тридцатиминутной готовностью, — сказал Сретенский.

— Что-нибудь случилось? — спросил, подходя, Беляков. Он был заместителем Сретенского.

Сретенский пожал плечами.

— Пока что идем по графику, — но в тоне его не было абсолютной уверенности.

За толстым стеклом гостевой градус полемики поднимался к точке накала.



— Ну вот! — в сердцах выдохнул Головин, апеллируя преимущественно к Логунову.— Я его уговаривал и по-хорошему и по-плохому, просил, умолял — повремени с заправкой, пока мы не разобрались в причинах...

— Да с чего ты взял? — перебил Башкирцев и подошел вплотную к нему. — Нет никаких причин!

— Андрей Ильич, при всем уважении позволь возразить,— вмешался Морозов.— Ты же отлично знаешь, что на стенде не прошло отделение корабля от последней ступени носителя. Так?

— Не совсем.

— А как? — поинтересовался Морозов.— Может быть, ты объяснишь нам — как? Вчера ночью я видел все это собственными глазами.

— Типичный «визит-эффект», — попытался сострить Огнев, чтобы как-то разрядить обстановку.— Отказ прибора в присутствии руководства.

— Прекрати! — резко оборвал Башкирцев.

— Заправка всеми компонентами закончена. Замечаний нет, — доложили по громкой связи.

— Доклад принят, — ответил Сретенский.

— Заправка закончена, а уверенности у нас — никакой! Андрей Ильич, может быть, отбой? — осторожно спросил Головин, отлично понимая, что последует тотчас за этим.

И не ошибся.

— На каком основании? — взорвался Башкирцев. — Нет, давайте уж разберемся! На стенде, в большой барокамере было произведено двадцать пять контрольных отстрелов, которые прошли отлично. Так, товарищ Морозов, или не так?

— Так-то оно так, — мягко возразил Морозов. — Но на двадцать шестом отстреле один из замков не открылся.

— Электроника здесь совершенно ни при чем,— на всякий случай заверил всех Костромин.

— То ли электроника, то ли механика,— пропустив это замечание мимо ушей, продолжал Морозов, обращаясь только к Башкирцеву.— Ты знаешь причину? Нет. Факт, что корабль не отделился от последней ступени. Ну, о чем тут говорить?

— Ну а если бы мы провели только двадцать пять контрольных отстрелов? Могло же так быть?

— Статистика ни при чем, — сказал Головин. — Существует факт. Пойми, Андрюша, факт!

— А почему все это выясняется в самый последний момент? — нахмурившись, спросил Головин.

— Да потому, черт побери, что мы провели после этого еще пять контрольных отстрелов, которые дали удовлетворительный результат! И вообще, где предел количеству испытаний на Земле? Кто его установил?

По циферблату морского хронометра бежала секундная стрелка.

— Внимание! — сказал Сретенский в микрофон.— Всем службам объявляется тридцатиминутная готовность! Повторяю — готовность тридцать минут!

На табло в центре пускового зала вспыхнул транспарант получасовой готовности.

— По системе управления носителя — к пуску готовы,— доложил оператор центрального пульта.

— Принял,— ответил Сретенский.

— Телеметрией тридцатиминутная готовность принята,— последовал доклад с другого конца зала.

— Принял.

— Все системы корабля — в норме.

— Принял.

— Всеми службами полигона тридцатиминутная принята.

— Принял.

— Все измерительные пункты страны тридцатиминутную готовность приняли. На Камчатке продолжается ураган, но работать будут!

— Понял вас,— сказал Сретенский.

На фоне яркого синего неба застыл белый корабль, увенчанный двумя огромными сферами антенн.

— Корабли командно-измерительного комплекса на Тихом океане тридцатиминутную готовность приняли!

— Принято.

Другой такой же корабль слегка покачивался на океанских волнах...

— Корабли командно-измерительного комплекса в Атлантике тридцатиминутную готовность принимают.

— Принято.

Медленно вращались внушительные чаши антенн на пункте дальней космической связи.

— Центр управления полетом тридцатиминутную готовность принял!

— Принято.

Сретенский оторвался от окуляров перископа и негромко сказал в микрофон:

— Отвести фермы обслуживания!

Фермы вздрогнули и начали медленно отходить, открывая белое, как сахарная голова, тело ракеты...

Башкирцев сидел на самом краю стола в гостевой и

смотрел на большой монитор. На экране расходились фермы обслуживания.

— Ну вот,— стараясь сдержаться, сказал Головин,— уже тридцатиминутная!

— Ну, отменяй! — закричал Башкирцев.— Отменяй!

— Без эмоций,— сказал Логунов.— Без эмоций!

— За свою электронику я ручаюсь головой,— опять заверил всех Костромин.— Это результат недосмотра на стенде. В космосе ничего подобного не произойдет.

— Ну, не скажи,— зачем-то влез в разговор Огнев. Дело его в данном случае была сторона, вопрос не касался двигателей, и поэтому он чувствовал себя сравнительно хорошо. —Не скажи,— повторил он.— По законам космической подлости наиболее вероятно то событие, которое наименее желательно.

— Подожди,— отмахнулся от него Костромин.— Подожди! Николай Иванович, я серьезно: космос — это одно, испытательный стенд — совершенно другое. Условия стенда не соответствуют полетным.

— А почему не соответствуют? — Логунов резко повернулся к Башкирцеву который все еще продолжал сидеть.

— Что там у вас за стенд? Денег вам не давали, что ли?

— Уж не по вашей ли милости пускать корабль за бугор? — почувствовав поддержку, спросил Головин.

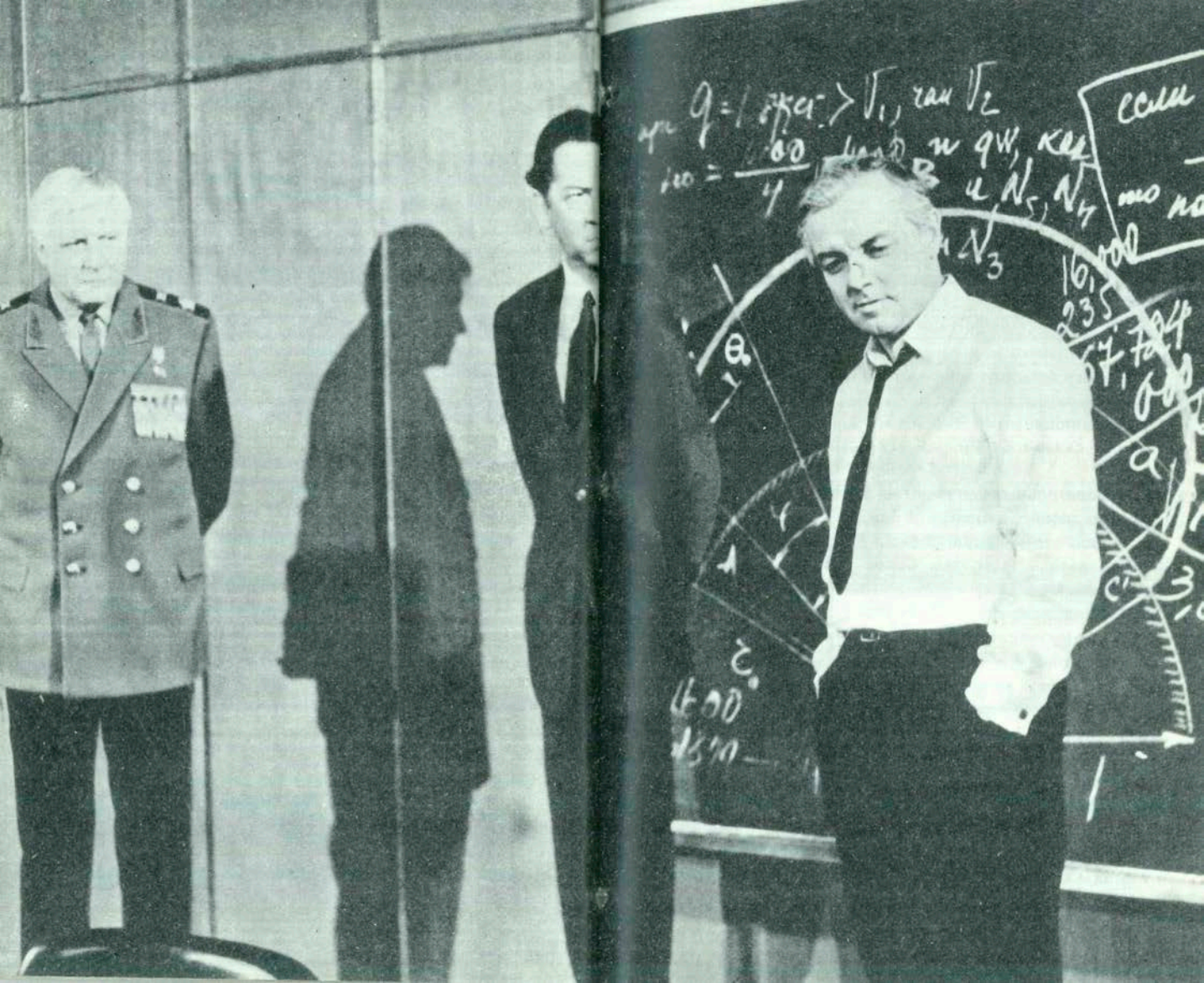
— Разрешите согласно графику приступить к эвакуации людей с площадки? — послышался в динамике голос Сретенского.

— Подожди,— сказал ему в микрофон Башкирцев.— Дай задержку на пятнадцать минут.

На экранах двенадцати мониторов застыла уже освобожденная от ферм ракета...

— Внимание! — сказал Сретенский.— Всем службам объявляется пятнадцатиминутная задержка! Повторяю — задержка пятнадцать минут.

Он облокотился о ручки перископа и шумно вздохнул. У него было огромное желание сплюнуть.



...Теперь все сидели за длинным столом, на котором были навалены схемы и графики.— Башкирцев рядом с Головиным, напротив них Логунов и Огнев и в самом конце стола Морозов и Костромин.

— Я тебя как друга прошу, давай рискнем,— уже упрашивал Башкирцев Головина.— И риск минимальный. Пойми, мне необходим этот пуск!..

— Нет, нет. Так не пойдет,— решительно возразил Логунов. — И то, что ты предлагаешь, не дело. Вопрос надежности — первый. Я готов отвечать в Москве за срыв пуска по срокам...

— У тебя стопроцентная гарантия есть? — прямо в лоб спросил Головин.

Они смотрели друг другу в глаза. Головин ждал. Но Башкирцев не мог ответить.

— Стопроцентную гарантию дает только страховой полис,— сказал Огнев, но эту остроту пропустили мимо ушей.

— Убедительных аргументов в пользу пуска я не получил,— медленно, акцентируя каждое слово, произнес Головин.— Все это — слова, слова... А посему властью, данной мне правительством, тем более что о случившемся уже известно в Москве...

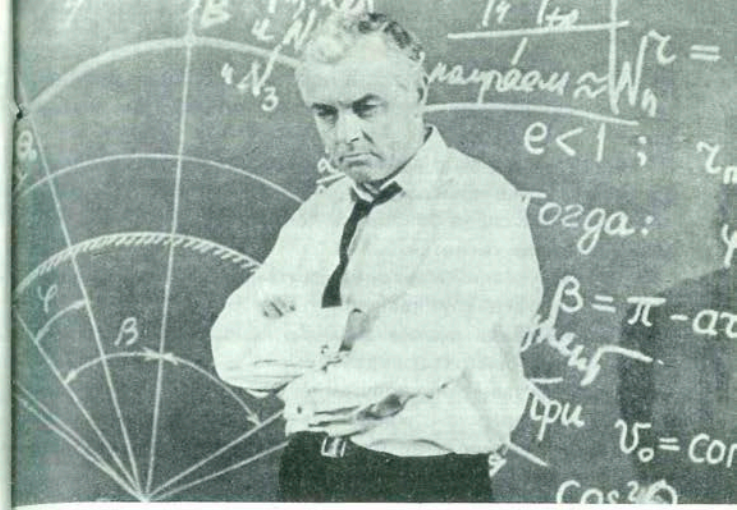
— Успел доложить? — отбросив кресло, вскочил Башкирцев.— Ну что ж, давай, давай! Действуй! Пользуйся своей властью!

Ракета стояла на старте. Она была готова к прыжку.

— Внимание! — вновь ожили динамики громкой связи.— Всем службам — отбой. Повторяю,— это был голос Сретенского,— отбой всем, кроме стартовиков, заправщиков и электриков. Горючее и окислитель с блоков носителя слить! Все системы привести в исходное положение. Обесточить борт корабля!

В пусковом зале гасли экраны мониторов, индикаторы на пультах и стойках, световые табло.

Операторы докладывали по громкой связи:



— Система термостатирования выключена!

— Система стабилизации выключена!

— Система ориентации выключена!

Сретенский прошел через полутемный зал и скрылся за боковой дверью.

В гостевой еще было светло. Возле погасшего монитора о чем-то вполголоса беседовали Логунов, Головин и Морозов.

Костромин сидел, облокотившись локтем о стол, Башкирцев и Огнев стояли.

— Автомат управления дальностью выключен! — продолжались доклады.

— Система радиоуправления выключена!

— Отключите громкую связь! — с раздражением произнес Башкирцев, приблизив к себе микрофон.— Все шуточками отделывался, остряк? — сказал он, обращаясь к Огневу.— Ведь вместе же решали пускать?! Интересно у нас получается: как работать, так всем коллективом, а как расхлебывать — мне одному!

— Ты самый главный, вот и неси свой крест,— резонно заметил Огнев.— Ну, подумаешь, отложили — велика ли беда?

— Для меня велика! Хотел бы я на тебя поглядеть, если бы ты оказался в моей шкуре.

Между ними сидел за столом Костромин, делая вид, что разговор его не касается...

Ракету уже увезли. Старт опустел. На фоне вечернего неба сводили фермы обслуживания.

По небу бежали редкие облачка, подсвеченные лучами уходящего за горизонт солнца...

В пусковом зале было полутемно. Операторы давно разошлись, и зал теперь выглядел нежилым.

Вдоль выключенных, зачехленных пультов медленно прохаживались Башкирцев и Логунов.

— Я не только представитель ЦК,— негромко говорил Логунов.— Я ведь еще и твой друг... Ну послушай меня, не ломись ты в открытую дверь. Все должно быть перепроверено и архинадежно. Нельзя же, ей-богу, вот так швырять в космос миллионы! На самоокупаемость ты пока не перешел.

Башкирцев остановился, посмотрел на него:

— Что же ты предлагаешь?

— Возвращаться на стенд.

— Но космос не покоряют на стендах! Для этого нужно летать!

— Ну что ты все время спешишь? — примирительно сказал Логунов.— Ведь и раньше бывали у нас неудачи. Но первый спутник — наш, первый космонавт — наш, а Луна, а Марс, а Венера!

— Все это уже история,— горестно произнес Башкирцев.— Прожитый день!..

Он направился к Костромину, который стоял возле левого пульта, стараясь не вмешиваться в разговор.

— Сколько времени уйдет на подготовку нового пуска?

— С генеральными — дней пять-семь, если, разумеется, повезет,— прикинув в уме, сказал Костромин.— Но мы упираемся в праздники...

— Вот видишь,— сказал Башкирцев.

— В праздник работать не разрешат,— на всякий случай уточнил Костромин.

— А если сразу же после праздников? — спросил Логунов.

— Кончится гарантия бортовых батарей корабля и других систем. Снять, заменить, потом снова повторить испытания...— Костромин опять прикинул в уме.— Месяц!

У Башкирцева вырвался стон.

— Время — вот что невосполнимый ресурс! И дело не в приоритете — черт с ним, наконец! Но этой работой мы открываем дорогу новому направлению в космосе — это программа на много лет, мы торгуемся из-за какого-то пуска — без космонавтов, с пустым кораблем!

Была уже глубокая ночь, и стартовая площадка мерцала огнями. Сведенные фермы обслуживания были освещены. Лифты ходили вверх, вниз. На бесчисленных мостках и переходах работали стартовики.

— Вот что,— сказал Башкирцев.— Я полечу в Москву.

— Когда? — спросил Логунов.

— Если не возражаешь — сейчас.— Решение было принято, и на душе сразу же стало легко.

— Ну что ж...— задумчиво сказал Логунов. Он понимал, что возражать ему бесполезно.— Запретить тебе я не могу, но не советую: ты неправ. Завтра проснешься и поймешь, что сегодня ты был неправ.

— Может быть, завтра я и пожалею об этом,— согласился Башкирцев.— но сегодня я полечу...

Самолет выпустил шасси и уверенно пошел на посадку.

Уже было совсем светло, но вдоль полосы еще горели яркие посадочные огни.

— Андрей Ильич, а Андрей Ильич, садимся.

— Так быстро? А который час?

— Четверть шестого: Москва не принимает, садимся на промежуточном аэродроме.

— Ну вот, опять двадцать пять! А что это за аэродром? — Колеса мягко коснулись бетона, и самолет покатил по полосе...

Они шли по летному полю мимо бесчисленных «ТУ» и «ИЛов» — Башкирцев. Головин, Огнев. По дороге к ним присоединился Костромин.

Потом они молча сидели, развалясь в креслах, в стеклянной коробке пассажирского зала, предназначенного для высоких гостей. Сквозь прозрачные стены просматривался аэродром — цветочные клумбы перед входом на летное поле и самолеты, застывшие невдалеке.

Башкирцев был задумчив и молчалив.

— Женя,— негромко позвал он.

— А? — Огнев открыл глаза. Он, очевидно, дремал.

— Ты веришь, что существует судьба?

— В каком смысле? — не понял Огнев.

— Не вдаваясь в дебри — в прямом. Ты знаешь, где мы находимся? С этого города я начинал, отсюда уехал мальчишкой, и было тогда мне девятнадцать лет...

Огнев молчал. Казалось, он опять задремал и не слушал Башкирцева.

— А что, если нам смотаться туда? — неожиданно предложил тот.— Времени — вагон. Побродим-ка по старому пепелищу, подышим дымом отечества, который, как утверждают, и сладок и приятен...

— Давай,— согласился Огнев,— позвоню в местный обком, пусть пришлют дежурную машину.

— Незачем,— с какой-то едва уловимой грустью сказал Башкирцев.— Домой не возвращаются на белом коне. Домой принято приходить в рубище. Поэтому давай-ка прибегнем к древнему как мир способу...

— А именно? — спросил Огнев.

— Стрельнем попутного левака.

По извилистой крымской дороге летел крытый фургон. В просторной шоферской кабине — шофер, Башкирцев, Огнев.

Башкирцев был неподвижен, молча смотрел вперед, чувствуя, как подступает волнение — знакомое чувство, которое уже возникало не раз, когда после странствий он возвращался обратно.

Всякий раз он многого не узнавал, ибо годы отделяли один приезд от другого, но волнение было тем же, что и тысячу лет назад, пожалуй, только это волнение оставалось всегда неизменным — остальное менялось так же, как и менялся он сам.

Под колеса летел асфальт.

— Сейчас обогнем вон тот поворот,— сказал он,— и откроется море.

За поворотом змеился по-прежнему серпантин и громоздились голые скалы.

— А где ж твое море? — поинтересовался Огнев.— Ну где?

Впрочем, он был настроен миролюбиво. Эта мальчишеская выходка пришлась ему по душе.

— Забыл,— признался Башкирцев.— Все подчистую забыл!

— Э-э-э! — рассмеялся Огнев.

— Ничего не помню. А ведь каждый камень тут знал — мальчишкой на велосипеде гонял.

— И все ты врешь! — решил уличить его Огнев.— На велосипеде гонял, с той горы на планере летал... Трепач! Вот лучше скажи, как это гора называется? А? Что молчишь?

Башкирцев вплотную привалился к нему. Огнев легонько оттолкнул его от себя.

— Нет, нет! Ты мне ответь — ну, как она называется? — настаивал он, не поворачивая лица.

Башкирцев молчал. Тело его стало медленно сползать с сиденья.

— Ты что? — принимая все это за шутку, спроси Огнев.— Андрей, ну, не валяй дурака! Тебе плохо? Андрей

Он схватил Башкирцева и вдруг почувствовал, что то обвис у него на руках.

— Стой! — истерически закричал Огнев.— Стой!

Фургон остановился на самой верхней петле серпантин Внизу до самого горизонта простиралась бирюзовая глад рассеченная надвое ослепительным бликом солнца.

Огнев выскочил из машины. Башкирцев вывалился н руки ему.

У него были открыты глаза с непомерно расширившимис зрачками, нос заострился, кожа лица приобрела сероваты оттенок. Казалось, он уже не дышал.

Вдвоем с шофером они перенесли его на траву.

— Осторожно,— приговаривал Огнев.— Вот сюда, во так...— Он положил ему под затылок платок.— Скорей! Ско рей!.. На аэродром!.. Найди маршала Головина... Ил Костромина... Скажи, мол, Башкирцев... Понял? Скорей Скорей!

Фургон рванул прямо с места, и грохот мотора растая вдали.

На обочине остались Башкирцев и Огнев.

— Андрей... Ну, ну, перестань... Ну что ты? Сейчас, сей час все пройдет,— уговаривал Огнев чуть ли не плача, ка будто уговоры могли помочь.— Вот... На, возьми... Это ж валидол... Ну возьми! Ну, пожалуйста...

Зубы Башкирцева были стиснуты, таблетка стучала о них

— Андрей,— продолжал настаивать Огнев.— Ну, на... На... На! — Это уже было отчаяние.

Какая-то машина пронеслась по шоссе.

— Стой! — истерически закричал Огнев и бросился напе ререз.— Стой, стой, говорю! Стой, сволочь!

Задыхаясь, бегом он возвратился назад, но не добежа до Башкирцева — вдалеке опять показался автомобиль.

— Стой! — Огнев метнулся навстречу.— Стой, гово рю! — и поднял руки.

«Запорожец» затормозил. Это были обычные «дика ри» — муж, жена, ребенок.

— Врача среди вас нет? — с надеждой выдохнул Огнев.

— Нет.

— А воды?

— Пожалуйста.

Рука из машины протянула термос.

Огнев раскручивал его на бегу, вытирая ладонью пот, который стал заливать глаза.

Башкирцев все так же лежал на спине. У краешка рта белел валидол.

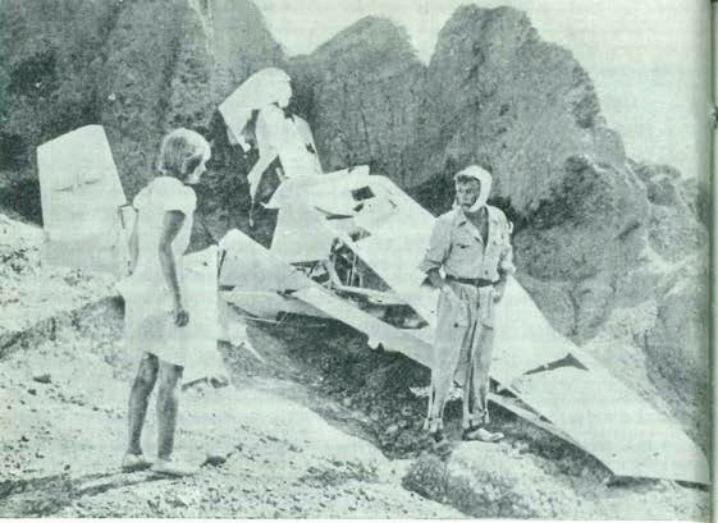
Огнев осторожно отбросил его и опустился перед Башкирцевым на колени.

— Ну, Андрей, на... Вот, выпей, милый... Ну что же ты? Пей!

Вода по щеке текла на песок, на сухую траву...

— Пей! — уже кричал Огнев.— Ах ты господи! Пей! Пей, Андрей! Пей! Ну что же это такое?..

Башкирцев и слышал и не слышал его — внутри была пустота. И вдруг, заполняя все существо, отчетливо, как наяву, возникло лицо девчонки... И ветер... И радостный мальчишеский крик — мир его детства...



Мальчишки несли на плечах планер... Примитивный планер — тонкие деревяшки, обтянутые перкалем. И босая девчонка носилась вокруг, девчонка с горящими от счастья глазами.

... Планер стремительно набирал высоту. Андрей попробовал поработать рулями. Рули слушались хорошо. Очевидно, его подхватил восходящий поток, потому что земля удалялась и ласточки летали наравне с ним...

Он осторожно заложил разворот. Горизонт медленно повернулся и описал правильный круг. Внизу бежала девчонка, что-то кричала ему... Но он, очевидно, не слышал. Его завораживали высота и ни с чем не сравнимое чувство полета.

Внезапно что-то произошло, и так же стремительно он стал падать. Планер перестал подчиняться ему. Его несло прямо на скалы... Еще секунда... Удар! И конец... Судьбе, однако, было угодно иначе. На этот раз он остался в живых. Он выбрался из-под груды обломков, в которые превратился планер. У него было разбито плечо, под глазом темнела ссадина.

К нему уже спешила девчонка, как кошка, карабкаясь среди скал.

—Живой? — выдохнула она.

— Живой!

— Тебе больно?

— Нет! — заорал он.— Нет! Отвяжись!

— А что ты кричишь? — удивилась она и расплакалась.

Она плакала шумно, навзрыд, и слезы бежали ручьями.

— Ну будет,— сказал он и вытер ей нос.

— Я так бежала,— всхлипывала она.— Я так бежала...

«Андрей Башкирцев» — выводила она, ползая по каменным плитам тротуара. Каждая буква была с аршин.

Над городом занимался рассвет, перекликались в порту пароходы, солнце скользнуло по черепице крыш.

Она приподнялась на цыпочки, постучала в окно и скрылась в тени фасада. Створки с шумом раскрылись, в окне появился Андрей.

Дальнейшее было понятно без слов, комментариев и разъяснений. Всю улицу от угла она исписала мелом.

«Андрей Башкирцев, я тебя люблю!» — взывали стены домов, тротуары, заборы.

Башкирцев ахнул:

— Я эту дуру убью!

Девчонка покинула свое укрытие.

— Убей. Я разрешаю — убей.

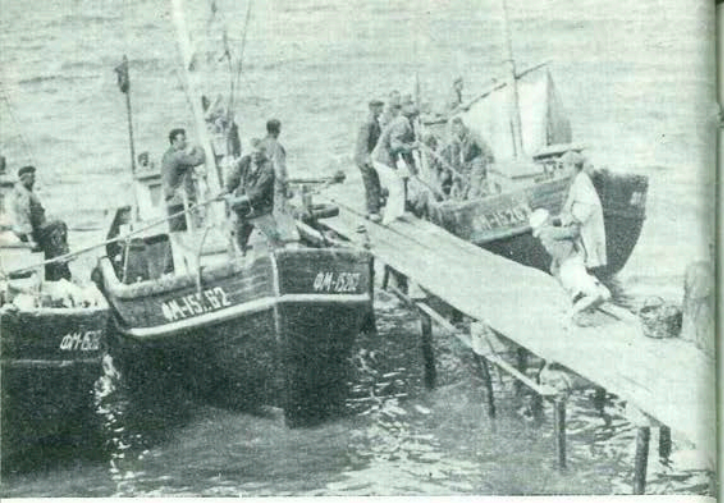
Коленки были в пыли, и вся она перепачкалась мелом. А он видел только глаза, готовые на боль и на муку.

— Ну, чем ты думаешь? — спросил он ее.

— Ничем, — созналась она и пожала плечами.

...Главный конструктор Башкирцев Андрей Ильич умирал на обочине у дороги. Академик Огнев стоял над ним.

Умирал Башкирцев, уходил друг, больше, чем друг,— юность его, сила, опора, совесть...



— Перестань, Андрей, перестань! — приговаривал он и лил из термоса воду. Минуя рот, вода текла по щекам.

— Андрей,— звал его Огнев,— Андрей! Андрей!..

...— Андре-е-ей! — спеша к причалу, кричала девчонка.— Андрей!

На причале болтался рыбацкий баркас. Его прилично мотало волной, и два рыбака с трудом удерживали канаты.

Андрей устроился на носу. На коленях он держал чемодан, к которому были привязаны сапоги.

— Андрей! — Девчонка подбежала к нему.— Андрей!

— Чего орешь? — Он был готов сгореть со стыда.— Чего орешь? Ты что, сдурела?

— Ты почему мне ничего не сказал? — спросила она, вцепившись на всякий случай в канат.

— А что я тебе должен сказать?

— Но ты уезжаешь?

— Ну, уезжаю, а ты-то при чем? Кто ты такая?

— Если уедешь — умру!

— А, не морочь мне голову!

На них, посмеиваясь, поглядывали рыбаки.

— А можно я поеду с тобой? — спросила она.

— Можно,— кивнул он. — Только ты сперва подрасти.

— Я и так уже подросла. На три сантиметра.

— Валяй еще сантиметров на пять.

— Но ведь это же от меня не зависит!

Дело принимало затяжной оборот.

— А зачем ты едешь в Москву? — приступила она к выяснению самых глобальных вопросов.

Он понял — сейчас их отправят к чертям, тем более что он пребывал в положении «полузайца».

Покинув нехотя катер, он прыгнул к ней на причал. Схватил за руку, оттащил подальше.

— Ты что тут устраиваешь базар?

— Прости,— сказала она.

— «Прости», — передразнил он. — Съезжу по шее — так будешь знать! Я сконструировал самолет — аэроплан, понимаешь? С электромотором, который будет питаться от батарей. Ясно?

Он оглянулся на катер, где понемногу уже травили канат.

— Ясно,— с готовностью кивнула она.

— Что тебе ясно?

— А зачем ты все-таки едешь в Москву?

Катер вздрогнул и медленно отвалил, увозя чемодан с сапогами.

— Да ну тебя! — отмахнулся Андрей и побежал по причалу.

— Нет! — закричала она.— Не пущу! — И вцепилась в него как кошка.

Он поволок ее за собой.

Между причалом и катером уже засинела вода, а он все никак не мог отцепиться.

Оторвав ее вместе с куском плаща, он добежал до края

причала и прыгнул в катер — уже на ходу, едва не сорвавшись в воду.

— Вернись! — кричала она. — Вернись! — И заливалась слезами. — Ты будешь жалеть! Всю жизнь ты будешь раска-и- вать-ся!

...Потом осторожно разжала кулак и обнаружила пуговицу, вырванную вместе с куском плаща.

Ветер пытался сорвать плакат, прибитый к стене барака.

«Комсомольцы Магнитостроя! Приглашаются все! На лекцию о ракетоплавании! О полетах на Марс и соседние с ним планеты. Лектор А. Карташов. (Из Москвы.) Вход свободный».

В бараке, который был приспособлен под клуб, на длинной скамье сидел единственный слушатель.

По сцене расхаживал Карташов. Он пританцовывал и потирал от холода пальцы.

— Полагаете, никто не придет?

— Дохлое дело! На первой домне сегодня аврал.

— А вы? — спросил Карташов. — Вы почему не там?

— А у меня ангина.

Горло он замотал платком, который смахивал на полотенце.

— Холодюга же здесь у вас!

— Что правда, то правда. Не Крым.

— А вы что, из Крыма?

— Ага.

— За каким же лешим вас сюда занесло?

— Как — за каким? Строить. Акклиматизироваться вот никак не могу.

Карташов оставался на сцене. Андрей сидел на скамье. Переговаривались через зал.

— Я понимаю, — сказал Карташов. — Магнитогорск — первенец пятилетки, но Крым, — он показал вниз, имея в

виду карту, — и Магнитогорск! — Указка взметнулась вверх

— Да, — согласился Андрей. — Далековато. А вообще-то я ехал в Москву. С чертежами аэроплана. Я сконструировал аэроплан.

— Вы? — не поверил своим ушам Карташов. — Вы сконструировали аэроплан? — Он тут же спустился вниз и сел напротив Андрея. — У вас что же... высшее образование?

— Никакое не высшее. Школа, и все.

— Надо учиться, — серьезно сказал Карташов. — Намерены поступить в институт?

— Намерен, — Башкирцев кивнул.— Но теперь уже после Магнитки.

— Приезжайте, я помогу. А куда вы девали свои чертежи?

— Да они оказались неграмотными. А тут все ехали в Магнитогорск, ну и я за всеми.

Тема была исчерпана. Карташов тоскливо оглянулся вокруг.

— Надеяться больше не на что, — резюмировал он. — Они не идут. Идиотское положение! Послушайте, а что, если я прочту эту лекцию вам?

— Одному?! — поразился Андрей.

Шли по пустынной улице. Ветер сбивал с ног и швырял в лицо снег.

В черноте мерцали костры — десятки, сотни костров — маяки невиданной стройки.

— Вы представляете себе спутник Земли? — вдохновенно говорил Карташов. — Нет, не Луну, а искусственный спутник, созданный человеком?

— Не представляю, — сознался Андрей.

— А Циолковским все решено! Теоретически все обосновано! Вы читали Циолковского? Нет? Вам необходимо узнать Циолковского! Не думайте, он не фантаст! Это реалист! Глубочайший, поверьте мне, реалист!..

Барак был рассчитан на сто человек, вернее, на сто коек. В прихожей дровами топился «титан», и кубовщица сушила валенки.

Андрей пропустил Карташова вперед.

— Выпить у вас не найдется? — спросил Карташов. — Замерз.

— Чего нет, того нет,— признался Андрей. — Живем по сухому закону: спирт, водку, вино постановили не пить. Одеколон забыли упомянуть, так его весь выпили. Теперь согреваемся чаем.

Он вытащил целую банку икры и поставил на тумбочку перед Карташовым.

— Неужели икра? — обомлел Карташов. — Разве она еще существует?

— Не знаю, как где, а у нас завались. И еще абрикосовое варенье. Ничего остального в помине нет, но этого счастья хватает.

Башкирцев стал наливать чай.

— Значит, скоро уже на Марс? — спросил он.

— Скоро, — кивнул Карташов. — В известном смысле.

— В этой пятилетке у нас по плану?

У Карташова застыла ложка с икрой.

— Послушайте, молодой человек, — шепотом произнес он и стал размахивать ложкой. — Вы знаете, что такое подобный полет? Вы себе представляете? Для этого... — У него не нашлось слов, он задохнулся и бросил ложку.

Вскочил. Сел. Снова вскочил.

— Оглянитесь вокруг! Ведь мы только начинаем! Чем мы работаем? Грабарками и лопатами? Экскаваторами, купленными за границей? А ведь это только металлургический комбинат! А вы знаете, что нужно для межпланетной ракеты? В первую очередь промышленный потенциал! Промышленная культура нужна! Ракета — это не трактор и не трамвай! Ракета — это ракета!

Свадебный стол отодвинули в сторону, и на освободившемся пространстве Наташа танцевала одна.

Она была в белом платье и в туфельках на высоких каблучках.

Молодой парень — жених, переломившись на стуле, смотрел под ноги.

И тут, нерезко, в полутумане от застилающих глаза слез, она увидела стоящего в проеме дверей Андрея — в стеганом ватнике, в сапогах, в косоворотке, в ушанке, сдвинутой слегка набекрень.

— Андрей! — закричала она. — Андрей! — и вдруг остановилось дыхание, и какая-то сила подхватила ее и толкнула ему навстречу.

Он поймал ее на лету, она уткнулась в потертый ватник, пахнущий сыростью и табаком.

— Уведи меня... Уведи...

Кто-то бросился на него, он кого-то ударил.

— Беги! Я тебя догоню!

И она побежала. По лестнице вниз. Через полутемный двор... По пустой извилистой, черной улице... В тишине стучали ее каблучки...

На углу Наташу догнал Андрей.

Рассвет они встречали вдвоем. Все так же шумело море, словно они простились только вчера.

— Я люблю тебя! — негромко сказала она.

— Повтори, я хочу слышать еще!

— Я люблю тебя! — повторила она.

— Еще!

— Я люблю тебя!

— Еще!

— Я люблю! Люблю! Люблю!

Наташа побежала по полусгнившим мосткам навстречу солнцу и морю.

— Люблю! Люблю!

Он догнал ее, поднял и закружил.

— Люблю, — повторяла она. — Люблю...

Волны накатывались на песок, били о борт полусгнившей лодки... На корме развевалась по ветру фата.

Тикали часы на стене. За книжным шкафом ворочался Карташов. На полу лежали Андрей и Наташа. У нее были открыты глаза.

— Ты почему не спишь? — шепотом спросил он.

— Думаю.

— О чем?

— О том, как мне хорошо.

Она повернулась к нему, просунула его руку за шею и устроилась у него на плече. Он обнял ее, притянул к себе.

— Погоди, я хочу сказать...

— После, — запротестовал он.

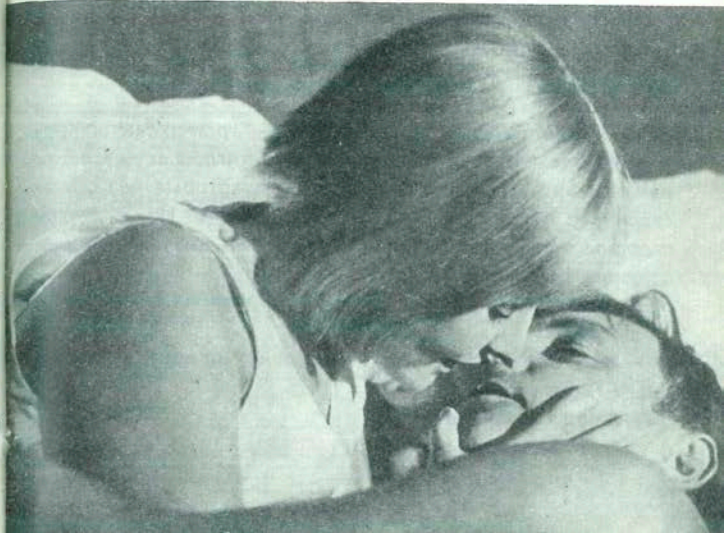
— Нет, сейчас. — Она вывернулась и села. — Ты знаешь, какой сегодня день?

— Третий день пятидневки.

— Я не про это... Три года назад... Ты помнишь, на пристани? — И протянула пуговицу.

Он взял ее, повертел в руке, положил на подушку.

— Этот плащ я загнал на толкучке еще осенью, когда



уезжал из Москвы. Если б ты только знала, как мне не хватало тебя! В особенности на Магнитке...

Она опять прижалась к нему, он стал целовать ей глаза, щеки, волосы губы... За шкафом заворочался Карташов.

— Вы не спите, Андрей?

— А что?

— Получается заколдованный круг, — громко сказал Карташов и зажег за своим шкафом свет, — чтобы осуществить межпланетный полет, нужны средства, которые без общественного признания получить невозможно. Но, с другой стороны, только полет и может обеспечить это самое общественное признание. Непонятно, как быть?

Андрей встал, набросил одеяло и отправился к Карташову за шкаф.

— Под космический полет никто денег не даст! — сказал он. — Таких чудаков нет!

— А под что же дадут?

— Под что-нибудь реальное.

— Что может быть реальнее космического полета?

— Например, самолет, у которого вместо мотора — ракета. Это понятно всем.

— Но меня не интересует самолет, — слабо возразил Карташов.

— Напрасно, — огорчился Башкирцев, — я бы на таком полетал! И вообще — хотите знать, о чем я думаю?

— О чем? — без особого энтузиазма спросил Карташов.

— У меня есть совершенно реальный план...

А Наташа лежала одна. Про Наташу давно забыли...

На поляне, в сосновом лесу, стоял пусковой станок. В станке серебрилась ракета.

— Товарищи, — горестно произнес Карташов. — У нас последняя банка бензина! На этом исчерпывается лимит до будущего квартала...

— Бросьте малодушничать! Она полетит. Иначе оторвите мне голову!

— Хорошо, хорошо. Все за блиндаж! Приготовьтесь! Отставить!

Возле укрытия стоял человек с фотокамерой на треноге.

— Вы кто такой? — набросился на него Карташов.

— Не отвлекайся, это корреспондент!

— Сейчас же! Туда! — Карташов показал за блиндаж. — Внимание! — провозгласил он. — Кран открыт! Ко-о-онтакт!

Однако ничего не последовало.

— Магнето крутят или же нет?

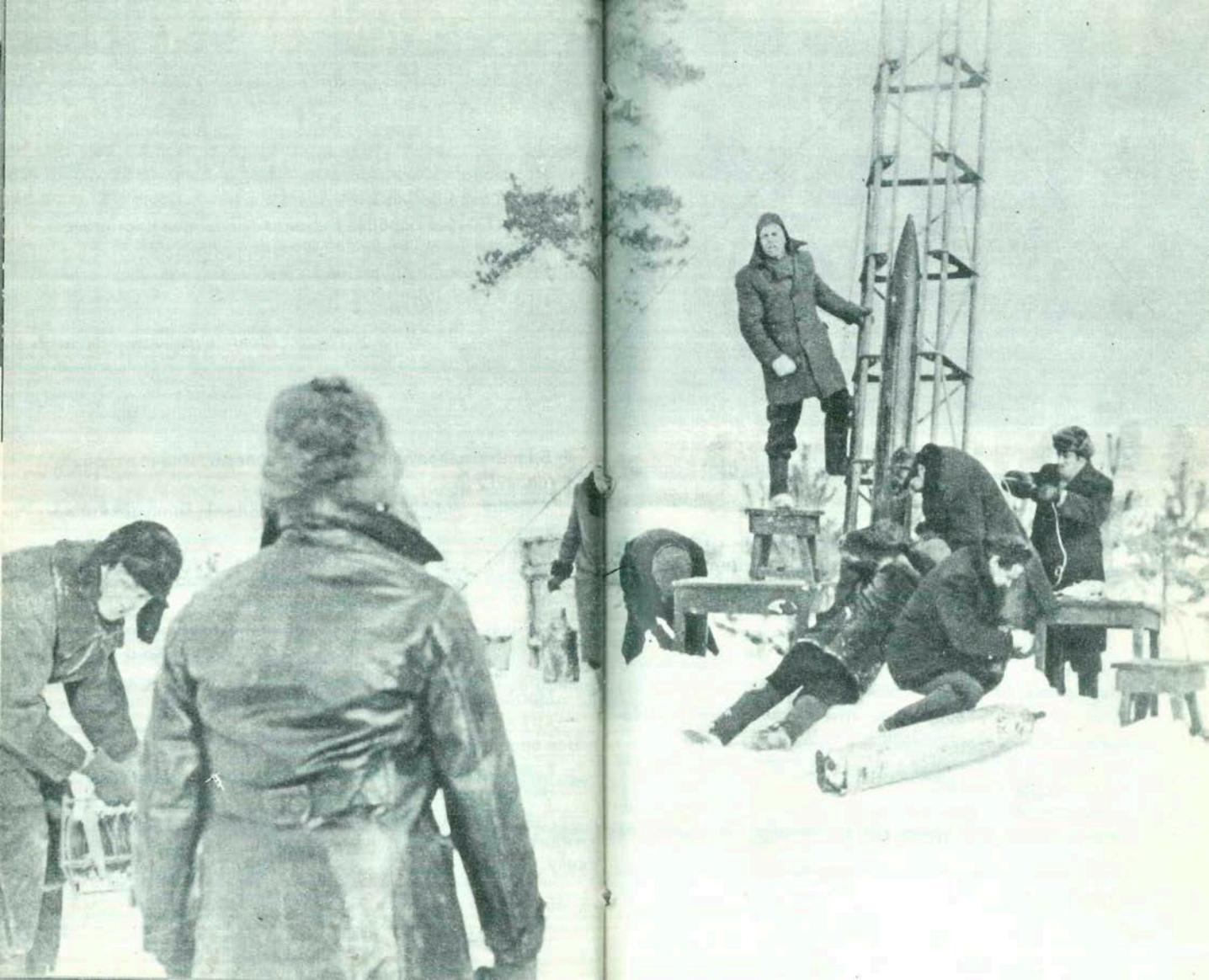
— Кручу!

Все бросились к пусковому станку.

— Кран! Он же травит опять!

— Нет, эта свеча не годится!

— Перестаньте советовать! — закричал Карташов. — Каждый лезет со своими советами! Принесите другую свечу.



Свечу заменили, и Карташов возвратился в блиндаж.

— Ну, братцы, — сказал он. — В последний раз! Если нет, закрываем контору. Контакт!

— Есть контакт!

Что-то грохнуло, под станком появился огонь... Заскользив по направляющим рельсам, ракета плавно покинула старт.

— Неужели полетит?!

— Полетела!

— Уррра!

Все выбежали из укрытия. Обнимались и целовались. Задрав голову, Карташов побежал за ней.

Ракета описала в воздухе полукруг и упала в снег за забором. Разумеется, все устремились туда.

Она стояла, воткнувшись в снег, и слегка дымила. Один из стабилизаторов отлетел.

— Товарищи! У меня приготовлена речь! На всякий пожарный случай! В то время как в Германии побеждает фашизм...

— Постойте, — взволнованно перебил Карташов. — Это же историческое событие! Первая советская поднялась! —

Он сорвал шапку, стиснул ее в кулаке и, выпрямившись, запел в голос:

«Вставай, проклятьем заклейменный,
Весь мир голодных и рабов.
Кипит наш разум возмущенный
И в смертный бой идти готов!
Это есть наш последний...»

А ракета все еще продолжала дымить...

...Наташа проснулась в четыре утра. Монотонно тикали ходики. На циферблате был нарисован котенок — глазки бегали туда-сюда.

Постель была разложена на полу. Кровать у стены оставалась нетронутой. Подушка Андрея была пуста.

Наташа посмотрела вокруг, потрогала эту пустую подушку, одернула бумазейное платье и стала натягивать сапоги.

Прошлась из конца в конец комнаты. Постояла у институтского расписания: «Сопромат. Диамат. Квантовая механика...» Все это не имело отношения к ней.

Направилась к верстаку и вдруг обнаружила пуговицу... Она валялась среди хламья.

На стене висела доска. Наташа вывела на доске мелом: «Ухожу. Я тебе не нужна».

Вышла в пустой коридор и направилась к вешалке.

На лестнице загрохотали шаги. Кто-то сбивал снег с валенок. Затем щелкнул замок и раскрылась дверь.

Наташа шарахнулась вбок, втиснулась между шкафом и вешалкой.

Первым по коридору проследовал Карташов. За Карташовым появился Андрей.

— Неужели вас это не увлекает? — продолжая на чем-то настаивать, говорил он. — Прибавьте мощности своей ракете, и мы сможем всерьез говорить о создании ракетного самолета!

— Вы меня упорно не хотите понять, Андрей! — воскликнул Карташов и направился в комнату. — Меня не интересует самолет как нравственная категория! Мне неинтересно летать на вашем трижды ракетном самолете из Москвы в Рязань!

Тут он остановился возле доски и увидел послание, адресованное Андрею.

— Я вам предлагаю совершенно конкретную вещь, — сказал, входя, Андрей. — А вы снова витаете в облаках...

И запнулся, увидев, что было написано на доске.

— Та а а ак... — растерянно произнес он. — И наступило молчание. — Что ж. Может быть, это даже и к лучшему?

— Мы виноваты,— мягко возразил Карташов.

— Что ж, по-вашему, мы должны были носить ее на руках? У меня на это времени нет.

Времени нет... Времени нет, — согласился с ним Карташов.

— А, чепуха! — наконец подытожил Андрей. — Походит, замерзнет, вернется сама.

— В общем-то, да,— опять согласился с ним Карташов.

Наташа стояла не шевелясь. Ее душили рыдания. Она зажимала губы каким-то старым пальто.

— Давайте разберемся спокойно, — сказал Андрей и стер написанное Наташей. — Если представить себе тело вашей ракеты как фюзеляж будущего самолета...

— Вот и все, — сказала Наташа. — Вот и все...

Она пересекла коридор.

— Аэродинамика не вызывает у меня никаких сомнений,— неслось ей вслед. — Примерный расчет планера уже готов...

Улица тонула в снегу. Он лежал свежий, нетронутый. На тротуаре намело огромный сугроб. Некоторое время Наташа стояла над ним, потом вывела аршинными буквами: «Андрей Башкирцев! Я ненавижу тебя!»

Циолковский был в потертом пальто, с поднятым воротником, в стариковских, «дореволюционных» ботах, обращенный куда-то в себя, в мир своих, никому не доступных мыслей.

— Здесь все правы, — сказал он Башкирцеву. — При обычном полете реактивный аэроплан убыточнее поршневого в пять раз. Вот мы здесь и напишем эдакую пятерочку!

Палка вывела на снегу цифру «5».

— Но стоит набрать высоту и выйти туда, где плотность воздуха, скажем, раза в четыре реже, как скорость увеличится вдвое, а убыточность сокращается пополам. Было пять — стало два с половиной, естественно, с минусом!

Палка вывела «—2,5».

— Зато на высоте, где среда реже в сто раз, реактивный

аэроплан вдвое выгоднее поршневого. Все зависит от высоты.

Палка вывела цифру «2» и поставила восклицательный знак.

— Таким образом, уважаемый Андрей Ильич, реактивным аэропланам принадлежит будущее. Завоевав стратосферу, они вытеснят поршневой самолет.

— А у нас меня подняли на смех,— сказал Башкирцев.

— К этому следует привыкать. Я так давно привык! Просто хожу здесь в городских сумасшедших. Рутине и слабости мысли, как, впрочем, и вселенной, не существует границ!

Кабинет Циолковского и его мастерская помещались на втором этаже. С веранды открывался вид на Оку. Река была скована льдом.

— За книгу «Об обращении небесных сфер» Коперника едва не поволокли на костер. Слава богу, теперь уже не сжигают, не то бы меня непременно сожгли! — Старик хитровато посмотрел на Башкирцева.

Тот улыбнулся и подмигнул.

— Ну разве все это не кажется еретическим? Поднять рукой камень с Луны, устроить движущиеся станции в эфирном пространстве, наблюдать Марс с расстояния в десять верст, опуститься на его поверхность... Конечно же, еретик! — Он засмеялся и покачал головой. — Но это, однако, не ересь, а установленный факт, вычисленный мною на бумаге. Карандашом обычным. И первый шаг человечества должен состоять в том, чтобы выйти за атмосферу, преодолеть тяжесть Земли и сделать ее спутником.

— Понятно, — кивнул Башкирцев. — Задача ясна.

Циолковский смерил его недоверчивым взглядом.

— Я вижу, вас ничто не страшит?

— Нет, — признался Башкирцев. — Меня не страшит.

Циолковский ежился в кресле, кутая плечи в платок. Башкирцев набросил пальто. Тусклая лампа светила на письменный стол. Остальное ушло в темноту.

— Через год, — говорил Башкирцев, — я защищаю диплом. Потом — самолет. И сразу же — большая ракета. Мне нравится ваша идея о ракетно-космических поездах.

— Если есть сила, желание, вера в конечную цель,— Циолковский поднял глаза. — А не боитесь стать мучеником идеи? — И снова ушел в себя, видимо, не интересуясь ответом Башкирцева.— Все время вот думаю — а что же там? За этим недоступным небесным сводом?.. Конечно, пока еще люди слабы... Но когда-нибудь все поймут, что судьбы земных существ зависят от судеб вселенной... Космос бесконечно значительнее Земли по своему объему, массе и времени... Перед человечеством великая цель: достигнуть пустых миров и заселить их разумными существами...

Отвернув голову, Циолковский смотрел в окно.

Перехватчик стоял на снегу. Это был фюзеляж с кабиной, отсутствовали только крылья, винт и шасси.

— Довольно комфортабельный гроб, — мрачно пошутил летчик, застегнул бушлат и полез в самолет.

Ветер пронизывал до костей. Башкирцев заслонился от ветра и, убедившись, что кабина закрыта, махнул рукой.

— Внимание! Пуск!

Все уже стало привычным: хлопок, огневая струя...

Внезапно раздался взрыв.

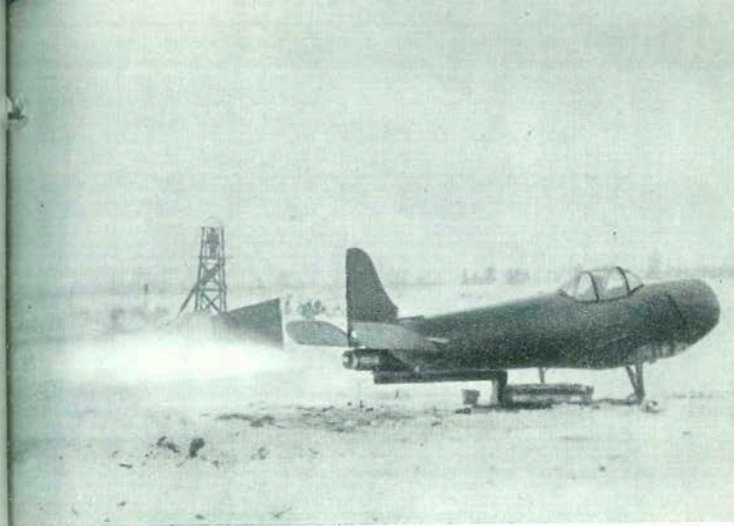
Летчика швырнуло на приборный щиток. Из разорванных трубок хлынула кислота. Вспыхнуло, загудело пламя. Горел керосин, смешанный с кислотой.

Башкирцеву показалось, что это сон. Закрывшись рукой, он бросился к самолету. Его тотчас же обдало кислотой.

Башкирцева трудно было узнать — он сидел с обожженным лицом прямо в снегу и выслушивал сентенцию Огнева:

— Что, допрыгался, Прометей? Это твоих рук дело! Я тебе предлагал — передвинь! Убери эти проклятые баки! Но ты, упрямый осел, все на своем!

— А! — Башкирцев махнул рукой. — Не везет! Ведь существует же выход? Вот чувствую, есть он, но где? Но где?



— Товарищ Башкирцев! К вам тут пришли!

У горящего самолета стоял Головин.

— Толя? — крикнул Башкирцев, кидаясь к нему. — Целый, живой! Ну молодец!

— А ты возмужал, — сказал Головин. — Что у тебя с руками?

— Пустяки, облил кислотой. Тут такое, брат, происходит! Это будущий самолет, предназначенный для штурма рекордов! Ракета и крылья — неслыханно, а? Переворот в авиации!

— Мда, — недоверчиво произнес Головин.

В лесу было тихо. Белели стволы берез на фоне кристально чистого неба.

— Трудно опять привыкать к тишине, — сказал Головин, — каждой ночью мне снится Испания...

— Это правда, что дело табак?

— Если французы не закроют границы, если Америка согласится помочь. Если послать им танки и самолеты. Если, если, черт побери! Нет конца этим «если»!

Поднял палку, сломал ее о сосну.

— Знаешь, как это бывает, когда становится невозможно дышать и начинаешь задыхаться от ненависти? У нас об этом не говорят, но чувство неопределенности для меня исчезло...

— Неужели мировая война?

— Она уже началась. С Испании. А ты тут занимаешься ерундой, какими-то мифическими самолетами... Быть нам или не быть на Земле — вот как встанет вопрос!

Их остановили взмахом флажка.

И сразу же, одна за другой, синеву прочертили трассы снарядов. Земля покачнулась — ахнул разрыв.

— Что это? — с удивлением спросил Головин.

— Установка «РС»: шестнадцать снарядов, сто тридцатый калибр. В основе все тот же наш реактивный принцип.

— Лихо!

— А ты говоришь! Не могут же все заниматься одной проблемой. Каждый находит себе занятие по душе. Толя,

милый, — он обнял Головина, — с тех пор как я познакомился с Циолковским, в общем-то определилась вся моя жизнь. Навсегда. Это завтрашний день.

— Может быть, — вздохнув, кивнул Головин. — Но не надо забывать о сегодняшнем. Он еще напомнит нам о себе...

В кабинете Логунова, в ЦК захлебывались телефоны. Кто-то снимал трубки, что-то там объяснял, изредка обращаясь с вопросами к Логунову.

Хлопали двери: люди ходили взад-вперед. В приемной тарахтели машинки.

Небритый, не спавший несколько ночей Логунов, стоя возле стола, просматривал очередные бумаги.

Башкирцев Логунова не знал. Он нерешительно остановился у двери.

— Вы откуда, товарищ? — спросили его.

— Вот вызвали по какому-то делу.

— Кто именно?

— Логунов.

— Логунов — это я. А вы Башкирцев? Прошу садиться, Андрей Ильич. — Логунов обратился к кому-то за дверь. — Разыщите мне Сомова и Журавлева. И не соединяйте пока ни с кем.

Кабинет опустел. Они остались вдвоем с Логуновым. Оба продолжали стоять.

— Чем вы сейчас занимаетесь, Андрей Ильич?

— По-прежнему, самолетом. Мы составили записку в ЦК: можно передумать на боевой...

— Извините, — перебил Логунов. — Время у нас ограничено, поэтому возьмем быка за рога. Вы не догадываетесь, зачем вас пригласили сюда?

— Нет, не догадываюсь.

— Вас рекомендовал Головин как энергичного и думающего человека. Будем надеяться, что это так. — Логунов помолчал. — Самолет вам придется пока отложить.

— Почему? Вы читали мою записку?

— Нет, и дело сейчас не в ней. Вам знакома установка «РС»?

— В общих чертах.

— Вот о ней-то и речь, — сказал Логунов. — Установка несовершенна. И тем не менее она нужна. Позарез. — Он опять помолчал. — Вы не взялись бы ее довести, чтобы запустить в серию? Мы нашли подходящий завод...

Цех был усыпан битым стеклом. В глазницах окон чернело небо. Под пролетами господствовала темнота.

По крыше стучал дождь. Били зенитки, и черноту перечеркивали прожектора.

Несколько синих ламп освещали новые установки. От ламп струился какой-то призрачный свет. Возле установок бродил капитан — командир будущей батареи. На полу вповалку спали бойцы — человек пятнадцать.

— Приказано быть в четыре на Поклонной горе, — сказал капитан. — Туда подъедут грузовики со снарядами. Ждать отбоя я не могу.

Невдалеке ахнул взрыв. Посыпалась штукатурка. Вылетело окно вместе с рамой. В цехе погас свет. — Вот сволочи! — вырвалось у Башкирцева. — Работать не умеют! Позвоните на подстанцию,— обратился он к сменному инженеру,— узнайте, серьезные там повреждения? Интересно, который час?

— Без десяти двенадцать.

— На сколько еще работы?

— Часа на два. Но покраска...

— Красиво необязательно,— сказал капитан.

Башкирцев кивнул.

— Проклятая темнота! — вырвалось у него.— А фонарики мы можем достать?

— Фонарики есть, но склад опечатан.

— Взломайте дверь!

Мастер отрицательно замотал головой.

— Под суд отдадут!

— Вы понимаете русский язык?

— Ломайте — примирительно произнес Огнев,— ломайте.

Башкирцев взял его под руку и отвел.

— Значит, так, Женя... Я съезжу с ними. На недельку. Через неделю вернусь.

— То есть как это съездишь? — опешил Огнев. — Зачем?

— Мне нужно проверить, как действуют установки.

Капитан вмешался в их разговор.

— Извините, товарищ конструктор, я не возьму. Я человек военный, подчиняюсь приказу. Все люди поименованы в нем — вашей фамилии нет. И потом это не полигон!

— Ну хорошо. — Башкирцев отмахнулся от него. — Мы это уладим.

— А что ты геройствуешь? — начал атаку Огнев. — Что ты лезешь в огонь? А кто тут работать будет? Ведь там, между прочим, стреляют!

— Здесь тоже стреляют. И вообще — кончим этот пустой разговор! Ты останешься за меня.

— Не останусь! — запротестовал Огнев. — Я не справлюсь!

— Справишься. Доставай блокнот и пиши.

— Ты хоть береги там себя,— уже сдаваясь, сказал Огнев. — Я ведь знаю тебя: ты моментально попрешь в атаку, начнешь кричать «ура», полезешь под танк...

— Я с детства не выношу танки!

— Да мне на тебя наплевать! Мне дело жалко!

— Мне тоже на тебя наплевать! Пиши...

Логунов их встретил в районе Бородина.

По шоссе передвигались войска. Танки обходили пехоту, полковые пушки тащились на лошадях.

— Наконец-то! Вот они — наши первые ласточки! — увидев «катюши», обрадовался Логунов. — Теперь дело пойдет — у меня там надежный человек!

— Николай Иванович! А Николай Иванович! — услышал в ужасе он.

От установок к машине пробирался Башкирцев.

— Как вы тут оказались? — нахмурившись спросил Логунов.

— Еду вон с ними, — Башкирцев кивнул на медленно ползущую по дороге батарею «катюш». — Мне надо увидеть, как они ведут себя в деле.

— Поговорим на обратном пути, — не вступая в полемику, сказал Логунов. — Садитесь в машину. Никаких возражений!

— Николай Иванович! Я не могу гнать серию, не проверив установки в бою!

— У вас было достаточно полигонных испытаний!

— Полигон — это не фронт.

— Поймите, что вы не имеете права рисковать головой! — сказал Логунов.

— А сами-то вы? Тоже небось едете не из парка культуры? И потом — моя голова принадлежит мне.

— Ошибаетесь!

— Ну это уже схоластический спор! — Башкирцев махнул рукой и бросился догонять уходящую батарею.

— Вот сукин сын! — в сердцах произнес Логунов и прибавил уже про себя. — Молодец!

Капитан посмотрел на часы.

— Пора. Первая — огонь!

Черноту ночи разорвал залп. Кромешную темноту прочертили трассы снарядов.

— Вторая — залп! Четвертая — залп!

Заметалось море огня. Вырвалась на простор огненная стихия. Эхо тяжелых разрывов сотрясло тишину.

Грузовики буксовали в снегу. Это был мокрый осенний снег, перемешанный с грязью.

Башкирцев шарфом вытер лицо.

— А может, прорвемся еще, капитан?

— Да вряд ли! Фронт ушел под Можайск. И потом — проблема бензина. Баки наполовину пусты.

Стеной их окружал лес. Шумели вековые деревья. И стояла торжественная тишина, в которую вплетался монотонный рокот мотора.

— Я «Ласточка»! Я «Ласточка»!.. Прием, — надрывался связист.

Связь, очевидно, отсутствовала.

— Проклятое ощущение — неизвестность, — сказал капитан. — И вы еще навязались на нашу голову! Сидели бы себе дома с женой и пили чай.

— Нет у меня жены, — шумно вздохнул Башкирцев.— Ушла. Мать далеко. Мы изредка переписываемся. Посылаю ей в месяц триста рублей. Вот такие дела.

— Танки!!!

Затрещал валежник под гусеницами машин. Полоснула пулеметная очередь.

— Этого следовало ожидать, — сказал капитан и побежал к установкам.

— Подрывайте! Я их остановлю!

А вокруг творился кромешный ад. Под ногами уже горела земля, и трудно было понять, откуда стреляют.

— Готов? — крикнул наводчику капитан. — Прямой наводкой по танкам четвертая — залп!!!

Ударила четвертая установка. И одновременно упал капитан.

Башкирцев бросился, перевернул его — лицо и волосы были залиты кровью. Не моргая смотрели глаза. Они уже не видели, как горели немецкие танки и танкисты выпрыгивали из машин.

Установки подрывались одна за другой — летели колеса и направляющие, в разорванных баках полыхал бензин.

Уже отстреливаясь, с горсткой бойцов, Башкирцев слышал, как подорвалась последняя установка...

...Башкирцев вернулся в пустой цех. Было темно. Гулко стучали сапоги по бетону.

— Эй! — крикнул он. — Здесь кто-нибудь есть?

Слова его повторило эхо.

Ощупью, стараясь не споткнуться впотьмах, он направился к застекленной будке, где обычно стоял телефон.

Дверь была заперта. Он рванул ее на себя.

В будке вспыхнул электрический свет. Перед Башкирцевым стоял заспанный Огнев.

— Женька! — крикнул Башкирцев. — Это же я! Это я Женя!

— Ты?!

И они обнялись.

Лицо Огнева было мокрым от слез.

— Андрей, Андрей... — всхлипывая повторял он, тычась носом куда-то в шею Башкирцева.

Башкирцев отстранил его от себя.

— Женька, что это? — Он показал на пустой цех.

— Да нас эвакуировали, — продолжая всхлипывать, стал ему объяснять Огнев. — Сегодня всю ночь последний эшелон отправляли... Жив, черт! Знаешь, как я волновался!..

— А я... «Катюши»-то я взорвал... — признался он Огневу.

Но тот пропустил это мимо ушей.

— А нас тут бомбили,— продолжал рассказывать он,— мастера... Алексеевича помнишь? Убило...

Башкирцев смотрел на Огнева, потом взял его за лацканы, притянул к себе.

— Как же ты мог позволить, чтобы эвакуировали завод?

— А что я мог сделать? Это приказ Логунова.

— Логунова?! — Башкирцев не поверил ушам.

По кабинету расхаживал Логунов. Башкирцев стоял у стены и курил.

— Страшный поведали вы рассказ, — сказал Логунов и повторил. — Страшный.

— Мы шли больше месяца по тылам. Я все это видел сам.— Башкирцев прошел к дивану и сел.— Зачем вы эвакуировали завод? — спросил он, глядя в глаза Логунову.

— По решению ГКО. Это общий приказ.

— А ремонтировать установки с фронта вы будете отправлять за Урал?

— Москва — фронтовой город. Оставлять здесь заводы нельзя.

— Тем более нужен завод, если это фронтовой город!

— Возвратить их с дороги я не могу. У вас есть реальные предложения?

— Реальные есть — пустить завод.

— Это утопия! Откуда вы возьмете людей? А станки? А металл?

— В Раменском на путях стоят разбомбленные эшелоны. Там достаточно уцелевших станков.

— Допустим, — сказал Логунов. — А где вы найдете людей?

— Дайте указание военкоматам.

— Ну кто станет этим сейчас заниматься? Мне непонятна организационная сторона.

— Если нужно, я возьму ее на себя.

— Вы? — переспросил Логунов. — У вас имеется организационный опыт?

— Ни черта у меня не имеется! Но опыт придет. А вы можете предложить что-нибудь лучшее?

— Нет, — сказал Логунов. — Пока не могу.

— В таком случае выбора нет. Теперь конкретно — с чего мы начнем?

— Садитесь за стол и пишите записку. Я передам ее в ГКО.

— А что, если шире ставить вопрос? Не ремонтный, а полнокровный завод? Через два месяца мы будем выпускать установки. И уже параллельно наладим ремонт.

— Да, — сказал Логунов. — Головин прав: вы действительно деятельный человек. — Он помолчал. — Послушайте, а не сообразить ли нам с вами чайку? У меня тут где-то завалялся лимон...

Башкирцев кивнул.

— Лимон — это хорошо. А у вас, случайно, не завалялось хлеба? Я бы поел.

Водителя он попросил подождать. Это был старый разбитый «виллис», привычный к тяготам фронтовых дорог.

От дома остались обгоревшие стены. «Разминировано, — прочитал он. — Сержант Горбунов».

В нерешительности он заглянул внутрь.

В глубине старуха стирала белье. Она стояла спиной, но он узнал эту спину.

— Мама, — негромко позвал он. — Мама!

Старуха продолжала стирать.

Задыхаясь, он бросился к ней, сграбастал ручищами, поднял... И она забилась у него на груди.

— Андрюша... Андрюша...

...Они сидели за тем же столом, в этой знакомой до слез комнате, где началась его жизнь.

Он выкладывал из мешка на стол тушенку, хлеб, сахар, селедку.

— Ешь, мама, ты ешь.

— Я ем, — кивала она головой и отщипывала хлеб по щепотке. — Господи, какой ты худой! И волосы вон уже седые. Тоже небось нешибко жилось.

— Я живу хорошо, — сказал он.

— Ты громче, я плохо слышу.

— Хорошо, — повторил он. — Все у меня хорошо.

— А, хорошо? Слава богу. Кеша мне тут деньжонок прислал. Тоже пока здоровый. А Нина его... в этой... в Чите.

На языке у нее вертелся вопрос, но задать его она не решалась. Наконец спросила, пересилив себя.

— Ты женился на ком-нибудь?

— Нет, не женился? Что Наташа? Она жива?

— Жива, жива. При немцах пряталась у добрых людей, чтоб не угнали. А мать ее, Вера Никитична, померла...

Башкирцев вздохнул и посмотрел наверх. Над ними висело небо.

— Мам, поедем со мной,— предложил он,— как же можно здесь жить?

Она улыбнулась и покачала головой.

— Все так живут. Страшное-то уже позади.

— Поедем, мама, — упрашивал он.

— Отец здесь лежит, останусь при нем.

Он опустил голову на ее прозрачные, в мелких прожилках руки.

— Андрюша, — тихо сказала она. — Ты это не оставляй. Стыдно перед соседями. Мякину с бардой едим. — И показала на банку тушенки, сахар, селедку и хлеб.

На кузове очередной установки вывели: «На Берлин». Шла приемка «катюш».

Башкирцев стоял возле ворот. Здесь его и нашел Логунов.

— Конец месяца — гоним план? — сказал он.

— К утру надеемся рассчитаться. А вы какими судьбами сюда.

— Да так, мимоходом. Ездил на сорок пятый завод.

Куранты пробили двенадцать раз. Заиграл гимн.

Логунов посторонился, пропуская машину.

— Не наскучило? — спросил он.

— Что?

— Заниматься серийной продукцией?

Башкирцев пожал плечами:

— Война.

— Война подходит к концу, — сказал Логунов. — Не за горами победа. Я вам тут картинку привез. — Он протянул конверт. — По-моему, весьма занятная.

— Не вижу, — сказал Башкирцев. — Темно. Эй, — крикнул он, — фары давай включи!

— В Польше мы обнаружили полигон,— сказал Логунов — и люди из штаба Конева сфотографировали этот предмет.

— Очень скверная фотография. Огнев! — позвал Башкирцев. — Женя, поди сюда!

Подошли Огнев и Костромин, поздоровались с Логуновым.

— Посмотри.

Огнев долго изучал фотографию.

— Это двигатель, — констатировал он. — Судя по критическому сечению — солидный: тяга не меньше двадцати тонн. Очевидно, немецкая «Фау».

— Очевидно, — подтвердил Логунов.

— Можно гасить? — спросили из темноты.

— Гаси.

— Не вдохновляет? — спросил Логунов.

— Ну к чему эти беспредметные разговоры? Вдохновляет, допустим, ну и что? К чему эти беспредметные разговоры? Для меня это уже несбыточная мечта...

— А если эту несбыточную осуществить? Попробовать, потихонечку?

— Попробовать? — повторил Башкирцев. — А вы представляете, что такое попробовать?

— Представляю. В общих чертах.

— И ответьте мне — для чего? Ну немцы обстреливают ракетами Лондон. Не обстреливать же нам Берлин? Да мы и не успеем.

— Никто не ставит таких задач. А немцам ракеты уже не помогут. Немцы проиграли войну с ракетами или без!

— Тем более, — сказал Башкирцев, — какой нам смысл?

— А разве существуют только военные цели? Долго ли еще продлится война? Год. От силы полтора года. Ведь наступит и завтрашний день. Каким оно будет, послевоенное завтра? Об этом нужно думать сейчас!

— Вы шутите? — тихо сказал Костромин.

— Нет, не шучу. Начнем заниматься ракетами.

Над Москвой просыпался рассвет. Улицы были пустынны. Башкирцев и Огнев возвращались с завода пешком.

— Основное, — развивал свою мысль Башкирцев, — это собрать кулак: ты, я, Костромин, остальные. У каждого свой участок, но все мы одно — шесть главных конструкторов, шесть министров...

— Министров? — переспросил Огнев, с сомнением покачав головой.

— Министров, — подтвердил Башкирцев. — Министров! У каждого по своему мощному КБ с подчиненными смежниками и институтами.

— Ты действительно веришь, что это произойдет? Ну неужели ты так наивен?

— Верю, Женя! — Башкирцев прижал руки к груди. — Я тебе больше скажу...

Загромыхав по рельсам, от остановки отошел первый трамвай.

Башкирцев рванулся за ним.

— Будь здоров! До завтра.

— Андрей! — крикнул вслед ему Огнев. — Я что-то хотел сказать! Ну ладно, до завтра!

Башкирцев догнал трамвай, прыгнул в него на ходу.

— Еще десятки, сотни заводов будут работать на нас!

Ракета стояла на пусковом столе.

Возле бронемашины прохаживался Головин, вполголоса беседуя с Логуновым.

Из темноты появился Башкирцев. Сретенский подошел за ним.

— Все в порядке? — спросил Логунов.

— Да, можем пускать.

— Командуйте. — И полез в бронеавтомобиль.

Гулко захлопнулась тяжелая дверь.

Под гигантской свечой вспыхнул слабый стебелек пламени. Он стал шириться и расти, обхватывая с обеих сторон ракету.

Ракета вздрогнула и как бы нехотя поднялась. Секунды три-четыре она раздумывала, опираясь на огненный хвост, все не решаясь — лететь или же не лететь, и вдруг, потеряв равновесие, рухнула, ослепляя водопадом огня.

Ахнул оглушительный взрыв. Все было кончено.

Башкирцев растерялся. Он побелел. Впервые Сретенский видел его таким растерянным. Как завороженный, Башкир

цев смотрел на огонь, не в силах оторваться от смотровой щели.

Обойдя его, Сретенский толкнул дверь.

— Стой! — крикнул Башкирцев. — Ленька, вернись!

Но Сретенский, казалось, не слышал.

Он несся большими прыжками с огнетушителем на вытянутых руках, похожий на журавля в своих обтрепанных брюках.

Подбежав почти вплотную к огню, он шарахнул огнетушителем что есть силы. Вырвалась тоненькая струя.

Несмотря на трагизм, зрелище выглядело комично: маленький человечек, огнетушитель в руках, жиденькая струя, океан пламени...

Он увертывался от языков огня и с упорством безумца снова шел в наступление.

Его мужество как бы встряхнуло всех, вывело из состояния оцепенения.

Напрямик, через степь уже неслись четыре пожарные машины.

Башкирцев схватил Сретенского за рубаху и оттащил. Тот рванулся назад. Рубаха на нем затрещала.

— Кто тебе разрешил лезть? Дурак! Тебе что, жить надоело?

Сретенский был в рваной рубахе, в копоти и в пыли. На черном лице выделялись только глаза и зубы.

— А черт его знает, — смутился он. — Вышло как-то непроизвольно.

Подошли Логунов с Головиным и тоже стали смотреть на огонь.

— Оценим положение трезво, — вдруг сказал Логунов,— немецкая «Фау-2», как утверждается в «Старс энд страйс», сэкономит американской технике пять миллионов долларов и пять лет. Может, и впрямь не следует изобретать велосипеды?

Башкирцев с недоумением посмотрел на него:

— Это что — ваша личная точка зрения?

— Ну какая вам разница чья? Поверьте, что это авторитетная точка зрения.

— В таком случае это будет делать другой!

— Вот как? — произнес Логунов.

— А я умываю руки! Я учился у Циолковского и Кондратюка. Мне учиться у Брауна нечему!

— С кем ты споришь? — спросил Головин. — Если бы ты только знал, с кем ты споришь!

— Не знаю и не желаю знать. Мне это неинтересно.

— Неубедительный аргумент, — сказал Головин. — Что ты намерен делать? Конкретно?

— Ничего не намерен. Возьму и уйду.

— Куда ты уйдешь? Что ты порешь хреновину? Встал, понимаешь, в позу, как античный герой! Подумаешь — непонятый гений! Для тебя по копейке выжимают рубли... Половина России — в развалинах! Люди в землянках, нечего жрать, землю пахать нечем! А он, видите ли,— уйду! Уходи! Плакать не станем! Обойдемся и без тебя!

На краю площадки висел транспарант: «Курить категорически воспрещается!» Башкирцев остановился под ним, вскрыл пачку «Казбека» и закурил.

Тотчас же к нему подбежал лейтенант:

— Товарищ главный конструктор, кому еще, кроме вас, можно на старте курить?

Башкирцев махнул рукой.

— Чего уж теперь! Курите все, к чертовой матери!

Наступило тягостное молчание.

— Да, — вздохнув, сказал Логунов, — он прав. Это ясно. Вот в чем беда! Нужно делать отечественные ракеты. Но попробуй-ка их убеди...

А на старте неистовствовал огонь...

Кто-то открыл им дверь в кабинет, и с порога Башкирцев увидел Сталина. Сталин находился в кабинете один. Он смотрел на входящих и посасывал трубку. На нем не было

никаких орденов — только звездочка на маршальском кителе.

Сталин сделал движение к ним и поздоровался с каждым за руку.

Помолчал. Прошелся из конца в конец кабинета.

— Я ознакомился с докладной, — негромко сказал он. — Не слишком ли резко поставлен вопрос? Учиться ни у кого не зазорно.

— Товарищ Сталин, — волнуясь, произнес Логунов. — Мы просим выслушать нас, пока еще не определилась окончательная точка зрения.

Сталин кивнул.

— Выходит, вы все заодно? Солидная оппозиция.

Было неясно, шутит он или же говорит всерьез. И от этой неясности пробирал холодок.

Он смотрел на Башкирцева, как бы изучая его.

— Товарищ Башкирцев, — уточнил Логунов.

Сталин кивнул.

— Вижу, — и показал глазами на длинный стол. — Прошу садиться.

Сам он по-прежнему продолжал стоять.

— А может, вообще не связываться с производством ракет? — спросил неожиданно он. — Настолько ли это перспективно?

— Разрешите, — привстал Головин.

Сталин снова кивнул и стал набивать трубку. Головин ждал.

— Говорите, я слушаю вас.

— Сперва о противниках... — сказал Головин, но Сталин его перебил.

— Их доводы нам известны. А какие имеются доводы «за»?

— Никаких, применительно к прежним видам взрывчатки.

— Например?

— Например, таким, как тротил. И дорого и неэффективно. А вот с атомным боезарядом...

Сталин опять перебил.

— Это журавль в небе, а не синица в руках.

— Но когда-то же это будет.

— Спросите Курчатова, а не меня. За это отвечает товарищ Курчатов.

— Атомная боеголовка, — продолжал Головин, — сочетание этой головки с ракетой даст оружие, защиты от которого нет.

Сталин внимательно посмотрел на него, молча прошелся по кабинету.

— Что думает по этому поводу Логунов?

— В принципе я согласен.

Сталин кивнул. Потом он некоторое время молчал.

— А кто и с кем собирается воевать? — шепотом спросил Логунова Башкирцев.

Однако Сталин услышал его.

— Пока что никто, товарищ Башкирцев. Но чтобы не ошибиться в политике, нужно смотреть вперед, а не назад. Американцы — практичный народ. Они не любят сорить деньгами. Вывезли из Тюрингии десятки грузовиков со всем ракетным имуществом Брауна. Не погнушались им, хоть он и штурмбанфюрер СС и военный преступник! Не случайно «Дженерал электрик компани» предоставила Брауну базу в Техасе и планирует перебазировку в Хансвилл, где закладываются заводы. Так на сегодня обстоят дела.

Все это он говорил, расхаживая по кабинету. Остановился в центре стола и медленно произнес, не сводя глаз с Башкирцева.

— А среди нас есть безответственные болтуны, которые демонстрируют с кулаками свой калужский патриотизм.

Башкирцев понял, что это относилось к нему. Он даже инстинктивно привстал, Головин одернул его:

— Молчи.

Но Башкирцев тем не менее встал.

— Разрешите, товарищ Сталин.

— Что вы хотите сказать? Ваша позиция изложена Логуновым. Я его докладную читал.

— У нас управляемыми ракетами пока не занимался никто...

— Говорите по существу. Я знаю, кто у нас чем занимался.

— Хорошо, но прошу, если можно, меня не сбивать. Мне и так трудно сосредоточиться.

— Продолжайте, я помолчу.

— Я знаю «Фау», я видел ее — машина, весьма далекая от совершенства. Зачем же нам повторять ее? Фон Браун — талантливый инженер, навряд ли он станет топтаться на месте. Через несколько лет он уйдет вперед. А что будет у нас? Устаревшая «Фау-2» с радиусом в двести восемьдесят километров?

— Вы желаете что-нибудь предложить?

— Одного моего желания мало!

— Желание тоже великая вещь!

— Тут недостаточно одного КБ! Прежде всего нужна экспериментальная база. Затем кардинально поднять качество приборостроения, решить проблемы баллистики, создать компоненты топлива с большой энергетикой, не говоря уже о перестройке десятков заводов и еще о многом и многом, что предстоит разрешить! — Башкирцев боялся, что его перебьют, и постарался все выпалить залпом.

Сталин внимательно слушал его. Теперь главное было сказано, и Башкирцев с облегчением перевел дух.

— Только при таких условиях можно рассчитывать на успех, — уже спокойно закончил он. — А конструкцию создадим. И не хуже немецкой.

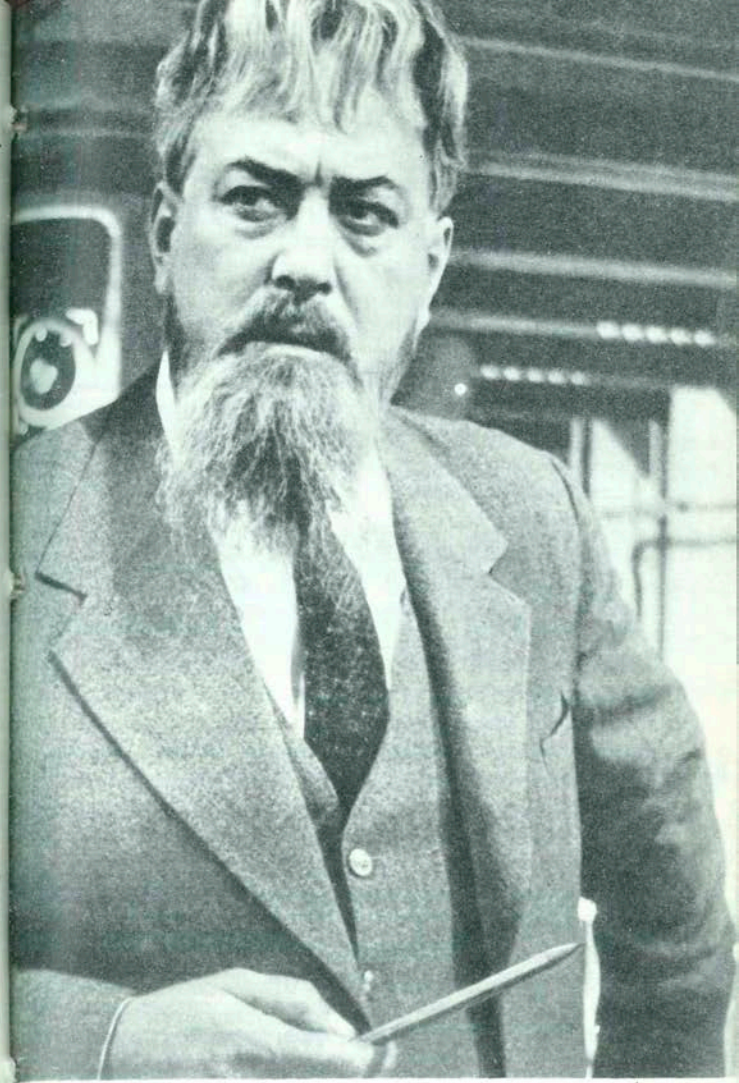
— Спасибо, товарищи.

Сталин встал, направляясь к Башкирцеву, Головину, Логунову.

— Послезавтра обсудим на Политбюро, — и, прощаясь, протянул руку.

Курчатовский наблюдательный пункт был просто стальной коробкой, в центре которой господствовал пульт.

По радио шел последний отсчет.



— Осталось сорок секунд... Осталось тридцать секунд...

— Сигнал «СП-1» выдан!

На пульте у оператора вспыхнул зелененький огонек.

— Осталось двадцать секунд...

— Сигнал «СП-2» выдан!

На пульте вспыхнул еще один огонек.

Курчатов, заметно волнуясь, ходил по НП.

— Осталось пятнадцать секунд...

— Сигнал «СП-3» — выдан!

Курчатов остановился и посмотрел на пульт. Горели все три зелененьких огонька.

— Десять секунд... Девять... Восемь... Семь... Шесть... Пять... Четыре... Три... Две... Одна... Ноль!

Курчатов сделал движение к перископу.

Чудовищной силы вспышка заполнила горизонт. И на фоне ее потускнело солнце.

Медленно рождался гигантских размеров шар, состоящий из раскаленной плазмы. Он деформировался и превратился в гриб. И лишь затем донесся глухой раскат, сопровождаемый свирепым ветром. Это катилась взрывная волна...

И вот наблюдательный пункт опустел. Погасли световые табло, остановились часы, успокоились индикаторы на панелях центрального пульта.

Здесь оставались только Башкирцев, Логунов, Головин, Огнев и, разумеется, сам Курчатов. Все остальные ушли.

— А вас не тревожит моральная сторона? — обращаясь ко всем, спросил Огнев.

— Меня тревожит одно, — ответил ему Головин, — как в случае необходимости доставить все это в любую точку земного шара!

Это был не ответ. Огнев спрашивал о другом. Все это понимали, и лучше других — Курчатов.

— Вы задали закономерный вопрос, — сказал он, — но мне кажется, он неправильно адресован. Его правильнее адресовать не нам, а тем, кто развязал эти силы. — Курчатов

задумался и помолчал. — Страшна не физика, а авантюристическая игра, не наука, а использование ее подлецами. Это банальная истина, и мне совестно ее повторять!..

Однако Огнева было трудно переубедить.

— Но мы-то, — сказал он, — мы-то, проповедники самых гуманных идей, и вдруг — нате вам — эта кошмарная бомба!

Курчатов остановился против него. Прямой вопрос требовал прямого же ответа.

— Вы касаетесь моральных аспектов войны. Наука не оперирует подобными категориями. Наука — это исследование, предположение, эксперимент. Поэтому я вам отвечу, как гражданин. — Он опять помолчал. — Когда наука совершает рывок и открывает возможность для действий, затра-

гивающих миллионы людей, возникает необходимость переосмыслить нормы морали, чтобы поставить эти действия под контроль. Но ничего похожего не произошло. Скорее, наоборот. Вы вдумайтесь — речь Черчилля в Фултоне, военные базы, бомбардировщики вдоль наших границ. Намерения предельно ясны. Науку превратили в орудие шантажа, в главный решающий фактор политики. Неужто вы полагаете, что их остановит мораль? А если дело обстоит так — а оно обстоит именно так,— приходится разговаривать с ними на их языке. Да, я знаю — оружие, которое создали мы, является инструментом насилия, но нас вынудили его создавать во избежание более отвратительного насилия!

Огнев, сидевший все время, встал.

— Вы знаете легенду о четырех великих факирах? Они хотели удивить мир. Первый взял несколько палочек и превратил их в костяк, второй — нарастил плоть, третий — облек кожей, четвертый вдохнул жизнь. Но создание, которое сотворили они, оказалось огромным тигром!

— В чем же мораль? — спросил Логунов.

— А морали нет! Потому что все это глубоко аморально! Кстати, тигр сожрал всех четверых.

На Логунова вся эта сентенция особого впечатления не произвела.

— Создается странное ощущение, — сказал он. — Как будто бы все мы тут за войну, за всеобщее истребление человечества, а вы пытаетесь нам помешать. Согласитесь, что смешно!

— Возможно, — кивнул Огнев, — только я бы на вашем месте...

— Каждому лучше быть на своем! — перебил его Логунов. — Считается, например, что проще всего — управлять государством. Тут у каждого наготове совет, как бы он поступил на твоем месте. А когда ты на этом месте сидишь и на плечах у тебя ответственность за миллионы и миллионы людей, за их жизнь... Короче — носитель необходим, и кто-то его должен делать.

— Вы будете делать носитель? Только без демагогии — да или нет? — с солдатской прямотой спросил Головин.

Дебаты на этом закончились. Нужно было решать.

— Да, — ответил Башкирцев.

— Пожалуйста, не говори за меня!

Башкирцев сделал вид, что не слышал реплики Огнева.

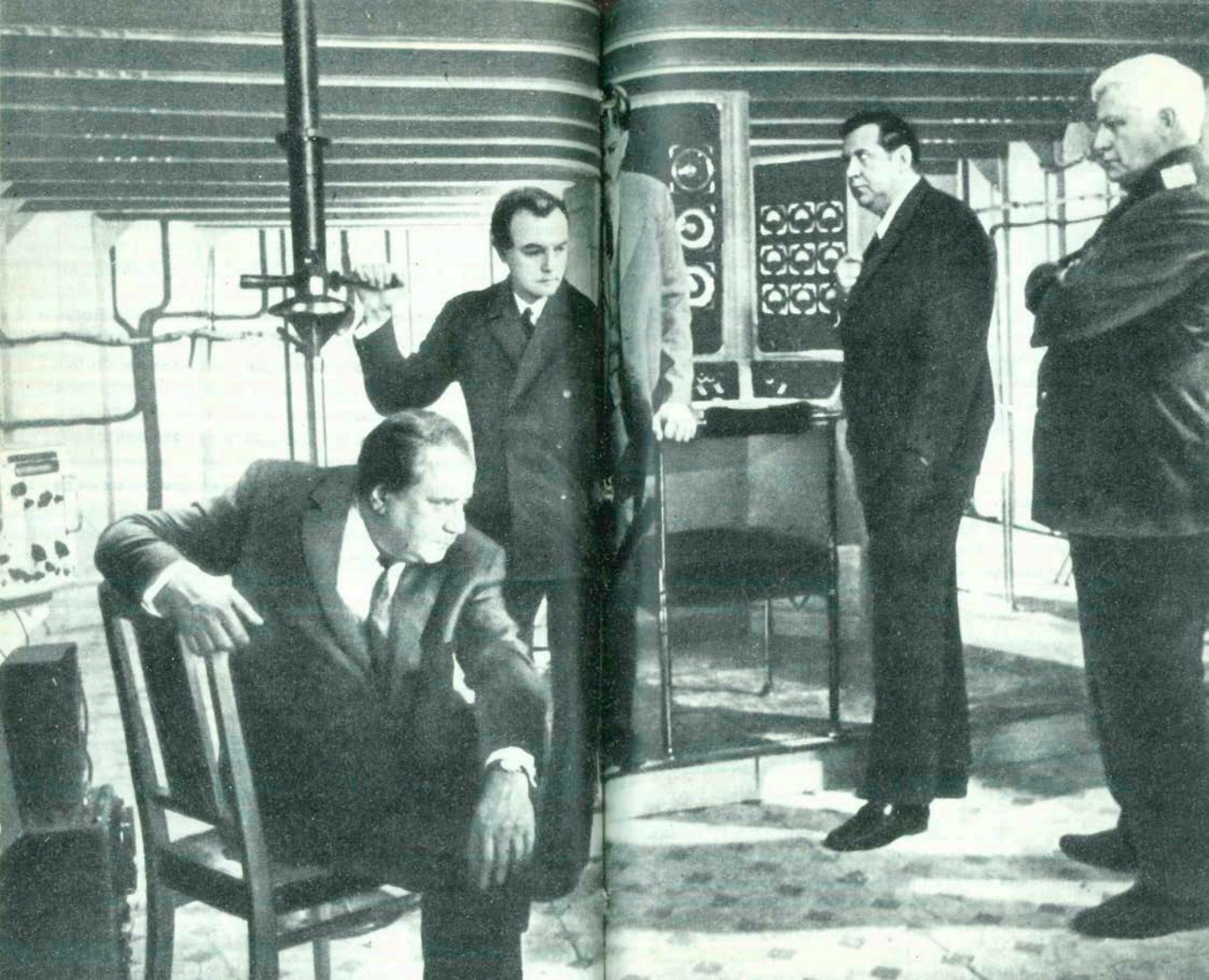
— Да! — повторил он. — Да!

— Пойдем, — резюмировал Логунов. — Они тут, по-моему, договорятся...

Комната. Остановившиеся часы. Кровать. В марлевых занавесках окно.

Почему-то сейчас она показалась крохотной, эта комната, которую он знал наизусть.

Здесь когда-то стоял стол, где вместе с Кешкой они учили уроки. Там была клетка с птицами — в стене еще сохранился крючок. Те же банки, те же обои...



Не было только ее. Она умерла.

Он стоял и смотрел на ее кровать, на знакомое с детства ее одеяло, на подушку с вмятиной от ее головы.

Вошел Кеша — единственный. Он был намного моложе Башкирцева.

— Вот, — сказал Кеша. — Увы, — и тоже посмотрел на кровать. — Жаль, что она умирала одна. Впрочем, какая разница? Да... — Кеша тяжело вздохнул, — так-то она и жила. Как по-твоему, что делать с квартирой? Я бы ее обменял на Читу.

— Обменяй.

— Я бы хотел забрать кое-что из вещей.

— Бери, — кивнул он. — Мне ничего не нужно.

— Тебе лучше побыть одному?

— Да. Одному. Именно.

— Ладно, — сказал Кеша. — Тогда я пойду. Я уже обо всем позаботился.

В комнате становилось темно. Опускались быстрые южные сумерки.

— Нина думала поехать со мной, как на грех, захворал Колька! Кажется, ты не видел его?

— Нет, — сказал он, — не видел.

Собственно, им не о чем было говорить. И оба это отлично понимали.

— А помнишь историю с ложками? — спросил Кеша, чтобы как-то поддержать разговор.

— Да, — сказал он. — Очень смешно.

Но ему было далеко не смешно, в особенности сегодня.

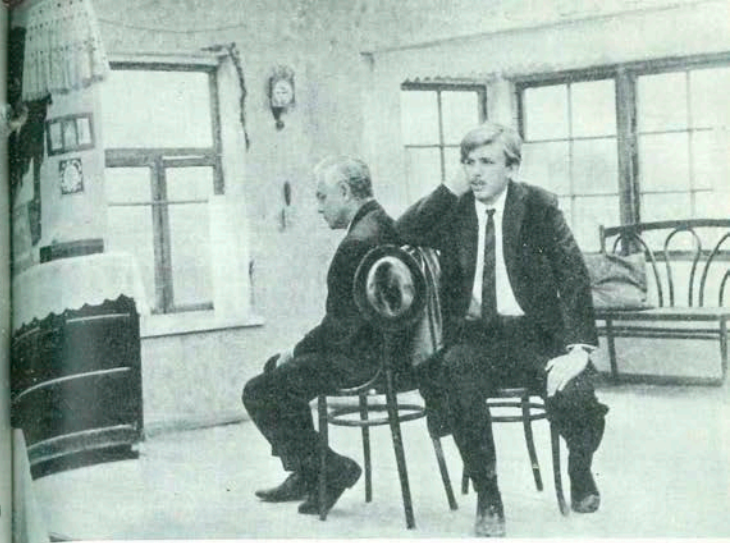
— Я пойду, — сказал Кеша. — Включить тебе свет?

— Нет, — сказал он, — не стоит.

И остался один в темноте.

Он нагнулся, поправил венок, развернул ленту с надписью «Маме» и медленно пошел прочь.

Впереди таяли остатки процессии, но он не спешил присоединиться к ней.



Он шел среди плит и крестов, узенькими заросшими тропками, переулками, мимо старых домов. Воздух был неподвижен. Стоял полуденный зной.

Неожиданно где-то вдали, где улица уходила в гору, Башкирцев увидел ее. Она стояла не шевелясь, похожая на изваяние.

Башкирцев остановился, сделал неуверенный шаг и, задыхаясь, побежал в гору.

Она понеслась навстречу ему. Они встретились на середине площади. Замерли на мгновение и обнялись.

— Вот видишь как, — сказал он, — похоронил я маму.

Она молчала, закусив губу, и смотрела на раскаленную землю. По земле полз муравей.

О гальку лениво плескалась волна. Накатывалась и убегала. Было безветренно. Занимался рассвет.

— А теперь уходи, — сказала она и обхватила колени.

Они сидели на берегу под невысоким обрывом. Где-то внизу, у кромки воды, лежала полусгнившая лодка.

— А дальше? — спросил, поднимаясь, он.

— Все, — она продолжала сидеть. — Разве я говорю загадками? И на этом все. Уходи.

— Погоди, — сказал он. — Какая-то чепуха! Для чего ты все это устроила?

— Значит, надо, — сказала она. — А тебе этого не понять. Для тебя это слишком сложно.

Она сидела. Башкирцев стоял. Некоторое время они молчали.

— Почему бы тебе не вернуться ко мне? — спросил он. — что тебя в этом городе держит?

— Ничего, — сказала она. — Совсем ничего.

И посмотрела долгим, изучающим взглядом.

— Где же ты был, Башкирцев? Где же ты был?

А жизнь между тем шла своим чередом. Именно чередом. В жизни Башкирцева чередовались удачи и неудачи. Последние составляли досадное большинство. Неудачей было отмечено и создание межконтинентальной ракеты, которая значилась в планах под индексом «БА-3».

— Вот последняя весовая сводка, Андрей Ильич. — Карелин сделал паузу, посмотрел на Сретенского, Сретенский шумно вздохнул.

Они сидели втроем в небольшом кабинете Карелина. Несколько дней назад Башкирцев возвратился в Москву.

— Помнишь, два года назад, когда мы начинали «БА-3», мы имели в резерве тонну. Так вот, теперь у нас этой тонны нет. Исчерпали до грамма и все равно не заткнули всех дыр.

— Это что, первоапрельская шутка? — Башкирцев смотрел в упор на Карелина, но Карелин отвел глаза.

— К сожалению, это не шутка, Андрей, — негромко сказал Сретенский.

— Куда же вы разбазарили весь резерв?

— Объясни,— снова сказал Сретенский.

Карелин раскрыл папку и начал перечислять.

— Увеличили вес головной части корпуса за счет тепловой защиты — раз? — Он неуверенно поднял глаза.

— Ну раз, — согласился Башкирцев.

— Выяснилось — не держит прочность баков. Увеличили толщину баков — два?

— Это я знаю,— сказал Башкирцев. — А дальше что?

— А дальше поплыл вес. Потом управленцы не уложились в заданные веса и подбросили лишних триста килограммов...

— А почему ты молчал? Почему сразу же не доложил мне?

— Испугался, — ответил за Карелина Сретенский, — ты же сразу начинаешь орать.

— Смотри ты, какая робость! Институт благородных девиц!

Но Сретенский, очевидно, решил ему выложить все до конца.

— Все знают, Андрей, — продолжал он, — как ты не любишь, когда желаемое не сходится у тебя с реальной действительностью. Ты же загипнотизировал всех своей

идеей создать ракету с оптимальными параметрами. Вот и выжимали где только могли: двигатели считали по верхнему допуску, снижали запасы прочности, экономя вес, игнорировали предупреждения газодинамиков...

Башкирцев не дал ему продолжать.

— Значит, так. Костромину дать ясно понять — пусть выбросит даже мысль об этих трехстах килограммах!

— Андрей Ильич, — сказал Карелин. — Я ездил к нему. Дважды там заседали до посинения. Не получается ни черта. Ну не выходит! И, наконец, Огнев...

— А этот что?

— Не добирает три единицы удельной тяги. И можете в него хоть стрелять — из этих двигателей он больше не выжмет.

Это было почти катастрофой.

— Та-ак... — задумчиво произнес Башкирцев. — Все?

— Константинова требует вес для гарантийных остатков топлива.

— Вы что, рехнулись? Ракета просто не полетит.

— Ну полететь она, может, и полетит, но все на пределе. Все доработки пойдут теперь за счет дальности и обойдутся нам километров в пятьсот.

— И в запасе, — добавил Сретенский, — ни килограмма, ни километра. Вот так.

— Ну, спасибо, — сказал Башкирцев и встал.

Трудно было даже представить себе масштабы случившегося.

Он молча прошел к кульману. Не видя, впился глазами в чертеж.

— Ну что ж, — после долгой паузы, сказал он, — и неудачи бывают полезны. Иногда они даже приносят успех.

— Не понимаю тебя, — сказал Сретенский.

— Не торопись — поймешь. Идея исчерпала себя. Порок заключен в существе. В самой классической схеме. Значит, надо ее ломать, кардинально ломать! В нашем варианте она ненадежна. Мы до нее творчески не доросли.

— Почему же ты сразу не дал отбой?

— В каждом деле немаловажен господин Случай: он играет не последнюю роль. — Башкирцев совсем успокоился и негромко рассуждал вслух. — Ньютон увидел, как падает яблоко, Уатт наблюдал за чайником, Рентген перепутал пластинки. Но эти люди были готовы к тому, чтобы из обычных явлений вывести великие истины. В каком состоянии «БА-5» в варианте пакета?

— Как договаривались,— ответил Карелин,— разработка идет, но в самой начальной фазе.

— Но это же дальняя перспектива, — напомнил Сретенский.

— Леня, кажется, это время пришло. Ракета, которую мы сделаем, практически уже не нужна. Еще не родившись, она уже устарела. В космос на этой ракете не полетишь! А мне нужен космос! Космос! Космос! И попутно уже решение оборонных задач — одно не исключает другое.

— Ты намерен форсировать «БА-5»? — не веря ушам, переспросил Сретенский.

— Давно, — кивнул Башкирцев и повторил: — Давно. Сегодня вы мне помогли. Спасибо.

Ночью в квартире Огнева раздался телефонный звонок. Босые ноги прошлепали по паркету.

— Женя, я тебя разбудил? Мы можем сейчас встретится?

— Я стою в пижаме и босиком. Это что — так срочно?

— Срочно!

— Хорошо. Приезжай.

— Я уже приехал. Я звоню из подъезда!

— Нахал ты, братец! Половина третьего ночи!

Башкирцев чертил, набрасывая компоновку.

— Любопытно, черт подери. — сказал Огнев. Я до этого не додумался.

— Двадцать двигателей вместо пяти. По четыре камеры в связке! И снимается высокая частота — при таких габаритах уже не страшно.

Огнев внимательно изучал листок.

— Это первая или вторая ступень?

— Слушай,— сказал Башкирцев.— Хочешь, еще идею продам?

— Ты что, сегодня нафарширован идеями?

Башкирцев начал чертить схему.

— Опять-таки ничего не берусь утверждать. Сейчас я только вслух размышляю.

— Допустим — сказал Огнев.— Да ты не тяни! В чем заключается эта твоя идея?

— Ставить продольно в общий пакет первую и вторую ступень. Вообще отказаться от поперечной схемы! Мы же привыкли к поперечным решениям: отгорает одна ступень,— начинает работу следующая... А давай представим другой вариант — все двигатели включаются одновременно! И не где-то там в космосе, а еще на Земле, под нашим электрическим и визуальным контролем!

— Андрей! — ахнул Огнев.— Да ты велик!

— Эти идеи продаются,— сказал Башкирцев и отошел к окну.

— Как это продаются? Кому? — не понял Огнев.

— Тебе. В обмен на твою поддержку. Двигатель-то надо будет начинать с нуля.

— Ах, вот оно что! — Только тут Огнев постиг наконец весь этот сложный маневр.— Приятный сюрприз! Нет, понимаешь, что ты мне предложил? У нас уже все в синьке! Рабочие чертежи! Половина — в металле! Полтора года работы псу под хвост?

Он обернулся к Башкирцеву и вдруг осекся.

— Андрей! Что с тобой? Тебе плохо?

— Ничего, сейчас пройдет.

— Я вызову «неотложку».— И Огнев бросился к телефону.

— Не надо, Женя! — остановил Башкирцев.— Не выдумывай! Мне уже легче. Просто душно сегодня.

Он отошел от окна.

— Так как ты решаешь? Да или нет?

— Ты болван! — закричал Огнев.— Ты последний болван! Ты только посмотри на себя! Что, думаешь, у тебя двадцать жизней?!

— Перестань!

— На, жри валидол! Садись! Ты когда в последний раз отдыхал?

— Не помню.

— А в театры ты ходишь? Книги ты читаешь?

— Ты знаешь, Женька, я не могу заставить себя читать. Мне скучно. Я читаю, а думаю о другом... — Он говорил шепотом, доверительно, с каким-то наивным удивлением, словно поверял сейчас Огневу самую сокровенную свою тайну. — Мой мозг превращается в какую-то машину... Я боюсь... Я все время чего-то боюсь... Ничего ведь еще толком не сделано... Ничего не доведено до конца...

— Не морочь голову,— неуверенно возразил Огнев, волнение Башкирцева передавалось ему. — Ты немало успел, совсем немало.

— А, какой там к черту — немало! Половина жизни ушла на то, чтобы подступиться к главному. Подступились. А жизнь почти вся! А главное только еще впереди... Поди-ка возьми его, дотянись...

— Андрей... — У Огнева задрожал подбородок.— Я клянусь тебе всем... Я все готов для тебя сделать... Все... понимаешь? Клянусь... Но завтра вместе пойдем к врачу!

— Пойдем,— согласился Башкирцев.— Пойдем.— Он высунул кончик языка, на котором белела еще не растаявшая таблетка валидола.— Вкусно.

— Дурачок ты, ей-богу! — сказал Огнев.

По стенам башкирцевского кабинета были развешаны чертежи. Башкирцев ходил вдоль стола, за которым сидели его заместители, начальники отделов и групп, ведущий специалист — человек около тридцати.

— Короче — я предлагаю радикальный и мужественный шаг. И не откладывая ни секунды, а прямо сегодня, сейчас отказаться от почти уже готовой ракеты, вернуться обратно за чертежи и проектировать принципиально новый носитель с продольным расположением ступеней. Несмотря на все расходы, которые мы понесли.

— Но ведь это же энергетически невыгодная схема,— растерянно произнесла женщина лет тридцати — Константинова, одна из ведущих специалистов фирмы.— Мы сами убедились в этом, и американцы к этому пришли.— Она посмотрела по сторонам, как бы ища поддержки.

Присутствующие на совещании молчали. Никто не торопился вылезать с преждевременной инициативой.

— Ну конечно,— неожиданно согласился Башкирцев.— Это общеизвестно. Еще Циолковский об этом писал, и он был прав. Но мы с вами еще придем к этому, и я покажу как.

— Подожди, подожди,— поднялся со своего места Орлов.

Он подошел к доске, задернутой белой занавеской. Остановился напротив Башкирцева.

— Ты понимаешь, что придется создавать новый старт? Новую систему управления? Ты понимаешь это?

— Понимаю,— сказал Башкирцев.— Все придется делать заново.

— Но ведь это ужасно!

— Правильно, Юра, это ужасно.— Башкирцев обнял его.— Это фантастически заманчиво!

Резким движением он отдернул занавеску, открыл доску со схематическим наброском трехступенчатой ракеты.

— Обратите внимание, Зоя Сергеевна,— апеллировал он к Константиновой,— здесь мы частично возвращаемся к вашей любимой поперечной схеме. Две ступени — продольно, и на них поперечно — третья ступень.

— А зачем третья? — не понял Орлов.

— Зачем? Вы представляете себе, что такое искусственный спутник Земли? И это не все — это космический аппарат с человеком, который мы выведем на земную орбиту... Но и это еще не все! Мы достигнем Луны, Марса, Венеры! И все это сделает третья ступень!

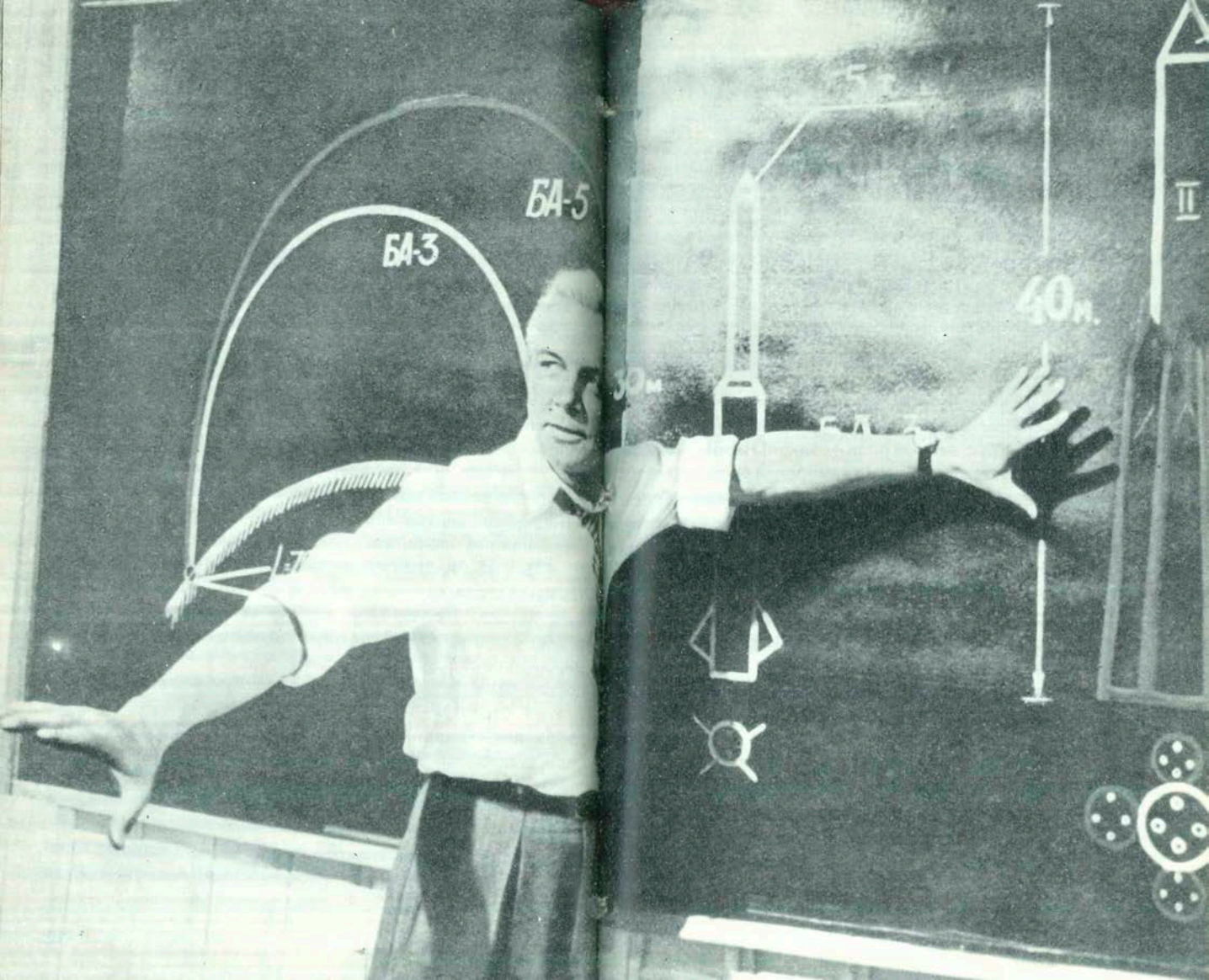
Башкирцев возвратился к креслу во главе стола и сел.

Воцарилось продолжительное молчание.

— Ты у нас, Андрей Ильич, фантазер! — сказал, поднимаясь из-за стола, грузный большой человек — директор опытного завода Клюев.— А я, прости меня, ногами чувствую землю, живу заботами грешных людей, их планами, нормами, зарплатой, детскими садами, магазинами, черт бы их побрал, где еще простаивают часами... Что я завтра рабочим скажу? Стану рассказывать сказку про Спутник? На всех собраниях — давай! Оборона страны! Сроки, сроки! А теперь получается — стоп? Выходит, люди зря старались?

— Да,— согласился Башкирцев,— ты прав. Им сложно перестраиваться — не солдаты. Не скомандуешь — «кругом марш»!

— Шутка ли остановить производство,— продолжал Клюев,— на котором крутятся тысячи людей! А смежники, за которыми сотни тысяч?


БА-5
БА-3
40м.
30м.
II

— Верно,— опять согласился Башкирцев.— Все верно: у людей — определенный настрой, у людей уже выработалась инерция мышления. Ничего не поделаешь, придется ломать, переступать через психологические барьеры!

— Легко советовать,— сказал Клюев,— научи!

— А чего учить — скажу правду. Не волнуйся — они поймут. Они лучше, чем ты о них думаешь!.. — Он помолчал.— Над ракетой работают многие сотни людей. И у каждого своя и различная мера ответственности. Высказав здесь сомнения, вы перекладываете ответственность на меня. Мне перекладывать не на кого — отвечать буду я. Так, значит, порешим.

Башкирцев поднялся из-за стола, показывая, что совещание закончено.

— И все-таки кто дал тебе право все останавливать? — чеканя каждое слово, говорил Логунов.— К чему эта самодеятельность? Государственный план — закон! Никому не дозволено преступать законы! Благие намерения — ни при чем!

В кабинете Логунова в ЦК находились Башкирцев и Головин. Всю стену напротив большого окна занимала огромная карта страны. Поверх этой карты были развешаны схемы, графики, чертежи.

— Поймите,— пытался защищаться Башкирцев,— что идеи обладают свойством стареть. Морально стареть! — кивнул он на схему старой ракеты. — Пожалуйста, могу ничего не менять, если вас это устраивает!

— А тебя не устраивает? — спросил Головин.

— Меня не устраивает. Поэтому я и остановил производство.

— Давай не смешивать одно с другим,— уточнил Логунов.— Идеи и производство. Это два совершенно различных вопроса.

— Почему различных? Вопрос один — целесообразно или нецелесообразно?

— А решения-то нет? — напомнил ему Головин.

— Вот, вот! — Башкирцев закивал головой.— У нас что

ни шаг — бумагу давай! А без бумаги, на собственный страх и риск, по-хозяйски, по-государственному! Государственные мы деятели или нет? Заседаем во всех советах!

Башкирцев чувствовал, что он осажден, и отбивался на всех фронтах.

— Андрей Ильич, друг ты мой, не финти! — обняв его, сказал Головин.— Мы стоим перед свершившимся фактом: лошадки, на которую мы ставили, нет. И насколько я понял тебя, не будет. А ведь это не просто ракета, Андрей. Это система современного вооружения. Ты понимаешь, куда вы нас завели?

— Но ведь я предлагаю вам оптимальный вариант!

— Два года назад, на этом же месте ты утверждал то же самое. Так? — апеллировал Головин к Логунову.

— Я помню,— подтвердил Логунов.— Все было примерно так.

— Вы правы,— сдался Башкирцев.— Два года работы закончились неудачей. Два года назад мы пошли на риск.

фактически не имея резервов. Бумаги были, много бумаг, но бумага не гарантирует от ошибок! Я виноват и готов отвечать. Но дело опять-таки не во мне — если вы откажетесь меня поддержать, ошибка конструктора перерастет в ошибку военного и политического руководства.

— Ну-у, — рассмеялся ему в лицо Головин,— это ты уже хватил через край! Хороши бы мы были, если б рассчитывали только на вашу ракету!

— Кажется, он начинает признавать ошибки,— сказал Логунов.— Это прогресс. Может, стоит его пожалеть?

Они переглянулись с Головиным.

— Нет,— сказал Головин.— Не стоит.

— Ну а что, если подумать всерьез о политической, престижной стороне вопроса? А вдруг да получится? Что тогда?

Башкирцев понял, что ему бросили спасательный круг, и зубами вцепился в него.

— Даже без третьей ступени мы сможем вывести искусственный спутник Земли в сто пятьдесят, в двести килограммов весом!

— Это Винер, кажется, как-то сказал,— вспомнил вдруг Головин,— что в принципе даже человеческое существо можно переправить по телеграфу. Но трудности, возникающие на этом пути, значительно превышают наши возможности.

— Ну это ты зря,— неодобрительно произнес Логунов.— А что, если они возьмут да забросят...

Но Головина было не просто сломить. Головин стоял на земле.

— Забросят или же не забросят,— сказал он.— А вот куда это нас самих отбросит по срокам?

— Полтора, максимум два года,— заверил его Башкирцев.

— Значит, считай все три,— сказал Головин.— И как я об этом у себя доложу?

— Да,— посочувствовал ему Логунов.— Я тебе не завидую.

— Почему? — бросился в последнюю атаку Башкирцев.— Я готов отвечать головой за дальность, за вес! Любую боеголовку давай!

— А знаешь, Анатолий Григорьевич, я ведь его поддержу. А ты?

Головин подошел к Башкирцеву, испытующе посмотрел на него.

— Придется...

Конец первой части

В майской степи стояла жара. Но степь не успела выгореть: местами еще зеленела трава и цвели красные маки.

— Ты обедал, Андрей Ильич?

— Ничего в глотку не лезет!

— Э-э! — укоризненно сказал Головин.— Если перед каждым боем поститься, я бы давно с голоду сдох!

По ракете, клубясь, стекал кислород.

Заправщики возились со шлангами, отсоединяя их от железнодорожных систем.

На фермах с неторопливостью муравьев работала стартовая команда.

На площадке стоял Костромин, чуть поодаль — Огнев беседовал с Одинцовым и человеком преклонных лет — председателем Государственной комиссии.

К Башкирцеву подошел Сретенский.

— Все в порядке, Андрей Ильич! Пока идем в графике. Хорошо бы всем посторонним пройти в укрытие.

Башкирцев кивнул.

— Объяви по громкой связи. Извини,— сказал он Головину и отошел, о чем-то вполголоса советуясь с Огневым.

— Это кто посторонний-то? — спросил Головин, исподлобья взглянув на Сретенского.

— Простите, товарищ генерал,— вы и председатель Госкомиссии. Мало ли что — первый пуск.

— Типун тебе на язык!

Председатель Госкомиссии был смущен.

— Нет, как вам все это нравится?

— Придется подчиниться,— сказал Головин и, взяв его под руку, прошел в укрытие.

На «нулевой отметке» работы подходили к концу. Строго по графику люди покидали площадку. Огромная голова ракеты таяла в облаках. Башкирцев смотрел туда.

— Ох, Женя.— Он шумно вздохнул.— Не наломать бы дров!

— А ты не бойся,— заверил Огнев.— К этим двигателям хоть забор привяжи — и забор полетит.

— Да? — усомнился Башкирцев.

— Да,— подтвердил Огнев.— Да.

— Ну-ну. — Башкирцев снова вздохнул и тут заметил Зою Сергеевну Константинову, стоявшую невдалеке. — Леонид! — ахнул он. — Это еще что за номера?

Сретенский наклонился к нему:

— Да что ты, Андрей Ильич! Это же наша Зоя. На ее ответственности расчет заправки систем. Подпишет журнал, и я ее отпущу.— Башкирцев смотрел мимо, шея его медленно становилась багровой.

— Ты мне эти свои отговорочки брось! Расчет, журнал, я тебя знаю! Убрать! Или я тебя уберу! Зоя Сергеевна!

— Да? — обернулась женщина.— Здравствуйте, Андрей Ильич.— И первая протянула руку.

Он сделал вид, что не видит руки.

— А вы почему здесь? Я вас не вызывал. Берите мою машину и уезжайте на третий километр. Там укрытия, телефон — в случае необходимости к вам приедут.

— Я не цветочки пришла сюда собирать. А машина ваша мне не нужна. У меня есть собственный «газик».

— Вот и прекрасно,— сказал он.

— До свидания,— сказала она.

Насупившись, он смотрел ей вслед, перевел взгляд на Сретенского:

— Чтобы духа бабьего здесь не было!

Сретенский промолчал.

«Газик» покатил по бетонке, свернул на грунт, оставляя дымовую завесу пыли.

«Объявляется получасовая готовность! Всем службам: готовность тридцать минут!»

У ракеты, заложив руки назад, хмурый и недоступный, прохаживается Башкирцев. Никто не решался обращаться к нему. А возле Сретенского толпился народ. Подошел к нему и Карелин.

— Леонид, а где Зоя? — спросил он.

— Не знаю.

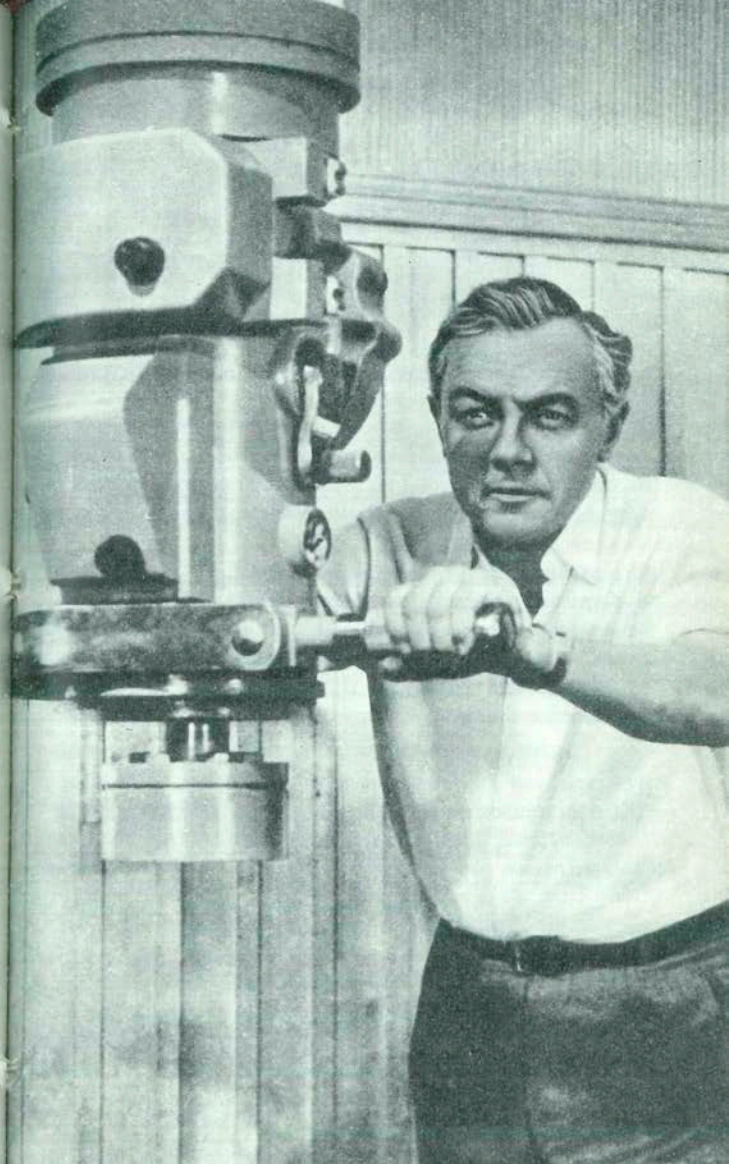
— То есть как — не знаю? А мне как быть? У заправщиков по сигнализаторам какая-то каша. Надо сверить и быстро пересчитать, а то сливали и доливали — сам черт теперь там не разберет!

— Зоя Сергеевна во-он там. — Сретенский показал.— Можешь к ней отправляться на третий километр.

— Как — на третий?! Ты в своем уме?

— Иди! — сказал Сретенский.— Иди! Иди! Вон спроси, что делать, у главного!

Возле ферм стоял оглушительный гул — работали компрессоры и воздухоподогреватели. Карелин пытался что-то объяснить Башкирцеву, энергично помогая себе руками. Башкирцев что-то ему отвечал, тоже главным образом жестами. Судя по обоюдному выражению лиц, объяснение носило недружественный характер.



Карелин сплюнул и отошел.

— Ну как? — заинтересованно спросил Сретенский.

— Послал!

— На консультацию к ней?

— Значительно дальше.

Пусковой зал находился на глубине, под десятиметровой толщей железобетона.

Длинный ряд пультов тянулся вдоль стен, в потолок уходили два перископа.

Башкирцев, не отрываясь, смотрел в перископ. Сретенский, как молитву, читал команды:

— Протяжка «один»!

— Есть протяжка «один»!

— Продувка!

— Есть продувка!

— Ключ на дренаж!..

Но в эту идиллию вклинился диссонанс:

— Подмигнул транспарант «наддув» на центре!

Башкирцев обернулся к Огневу, тот взглядом сказал — «чепуха...». И Башкирцев кивнул Сретенскому.

— Зажигание!

— Зажигание есть!..

В бескрайней, как море, степи ракета стояла одна. Вокруг не было ни машин, ни шлангов, ни мотовоза с цистернами.

Только суслик, покинув свою нору, из любопытства встал на задние лапки.

— Предварительная!

— Главная!

— Подъем!!!

Грохот двигателей обрушился в бункер.

Суслик мгновенно нырнул в нору.

Видимость в перископах пропала из-за сплошного дыма. Башкирцев тщательно доворачивал перископ. Вот он нашел наконец ракету. Она поднималась, она жила.

Отсчитывала мгновения секундная стрелка.

— Пять секунд,— полет нормальный!.. Десять секунд — полет нормальный... Двадцать пять секунд — все в норме...

Башкирцев метался по залу как загнанный зверь.

— Тридцать пять секунд...

И вдруг тишина...

— Ну? Ну что там такое? — не выдержав напряжения, крикнул Башкирцев.

На фоне чистого, прозрачного неба, перекрывая сияние жаркого дня, вспыхнули яркие язвы пламени, мешаясь с клубами дыма, окантованного огнем.

Ракета развалилась на куски. Разлетались центр, составляющий вторую ступень, и первая ступень из четырех «боковушек».

Вторую ступень бросило в сторону железнодорожного полотна, где возле окопа стояла Зоя Сергеевна.

Из окопа протянулась рука и сдернула Зою Сергеевну вниз. Падая, она успела выбросить руку и кого-то с силой ударила по лицу. В эту секунду громыхнул взрыв — и все исчезло за дымом и пылью.

Карелина катастрофа застигла в степи. Он стоял за границами полигона и вдруг обнаружил, что «боковушка» летит на него.

— У, проклятая! — закричал он.— Ты брось эти шутки! — И кинулся, пригнувшись, бежать.

«Боковушка» с чудовищным ревом стремительно настигала его, как пикирующий самолет. Он выдохся и упал. «Боковушка» грохнулась рядом, примерно метров за шестьдесят. Взметнулись комья раскаленной земли и обрушились на лежащего.

Зоя Сергеевна покинула свой окоп.

— Трус! Идиот! А еще фронтовик! — крикнула она на прощанье кому-то.

В «газике» за рулем сидел солдат.

— Быстрее! На старт!

Горел один из производственных корпусов. Промчались две пожарные машины. За ними — еще и еще.

Какие-то люди бежали по степи на пожар... Группа из бункера с Башкирцевым во главе молча направилась к стартовым сооружениям.

Повсюду ликвидировались очаги огня. Из пожарных шлангов хлестали струи. Обломки ракеты догорали в степи.

Перед Головиным вытянулся офицер:

— Товарищ генерал, по донесениям со всех пунктов серьезно пострадавших нет! Имеются случаи легких ушибов

и один случай поломки ребра по причине естественной паники.

— Спасибо! — сказал Головин.— Можешь идти.

К Башкирцеву подошел председатель Госкомиссии.

— Товарищи, поздравляю вас! С первой победой и первым пуском! Задание по программе выполнено... в основном. Ракета со старта ушла. Отлично ушла! Красиво! А то, что она потом пожелала вернуться на старт, это уже ее личное дело. Все люди живы, старт цел. Андрей Ильич, вашу руку!

Башкирцев молча взглянул на Огнева. Это был весьма выразительный взгляд.

Истребитель включил форсаж, оторвался от полосы и свечой ушел вверх. За ним оторвался второй.

— Ну как? — спросил командующий ВВС. — Ничего?

Башкирцев молчал. Он стоял рядом с Огневым и, задрав голову, следил за полетом.

Машины сделали разворот, прошли на бреющем над аэродромом. Одна из них почти касаясь земли.

— Орел... — прошептал Башкирцев.— Орел!

На глаза навернулись слезы, и он высморкался в платок.

— Щемит? — спросил Огнев.

Башкирцев кивнул.

— Первая любовь... Первая любовь...

Самолеты зашли на посадку и теперь заруливали на полосе.

— А помнишь, с чего это все началось? Ты помнишь?..

Подошел командующий ВВС.

— Чего бы вам еще показать?

— Людей,— сказал Башкирцев.— Людей.

— Люди уже идут.

К ним приближался затянутый в противоперегрузочный костюм летчик.

— Товарищ маршал...— начал докладывать он.

ЛУОК

— Вольно, — перебил командующий ВВС. — Молодец! Отлично летал!

— Нормально.

Башкирцев протянул руку:

— Андрей Ильич.

— Алексей.

— А в космос полетишь? — спросил Башкирцев, не выпуская его руки.

— Полечу, если керосина хватит!

— Считай, что договорились.

Вокруг послышался смех.

— А я ведь серьезно.

Летчик кивнул.

— Ох,— сказал Огнев,— и самонадеянный ты мужик!

— Увидим.

— Протяжка «один»!

— Есть протяжка «один»!

— Ключ на дренаж!

— Есть ключ на дренаж!

Все уже стало будничным: и бункер, и обстановка, и даже голос, которым командовал Леонид.

Башкирцев сидел у стола, подперев кулаком подбородок. У него был измученный вид. Часы показывали половину шестого.

— Зажигание!

— Зажигание есть!

— Предварительная!

— Есть предварительная!

— Промежуточная! Главная! Подъем!

В бункер обрушился грохот двигателей.

Башкирцев все так же сидел у стола и казался ко всему безразличным.

— Пять секунд... Полет нормальный...

Сретенский медленно доворачивал перископ.

— Десять секунд, полет нормальный... Тангаж, рыскание, вращение — в норме.

Башкирцев вытащил сигарету и закурил. Головин отошел от своего перископа. Председатель комиссии подошел посмотреть.

— Пятнадцать секунд... Полет нормальный... Давление в двигателях устойчивое...

Грохот постепенно стал отдаляться, и в бункер возвратилась прежняя тишина. Башкирцев достал спичечный коробок, стряхнул в него пепел.

— Тридцать секунд...— И хронометрист умолк.

Головин бросился к перископу. Башкирцев по-прежнему продолжал сидеть.

Из бункера вышла знакомая группа людей. Впереди шел Башкирцев.

— Константин Гаврилович,— сказал Головин, оборачиваясь к председателю Госкомиссии. — У нас скоро — шесть. Через пять часов проснется Москва. Все равно уже не заснем. Может быть, подбить бабки?

Дул сильный холодный ветер. В степи лежал снег. Многие подняли воротники, некоторые были в унтах, меховых летных штанах, черных цигейковых куртках.

— Ну что ж, можем и поговорить. В этой первой серии пробных пусков было достаточно неудач. И у каждой неудачи — своя причина, вот что настораживает меня! Авария на аварию не похожа. Мы никого не называем, но так же нельзя! Наконец, и с нас спросят! Работают двадцать два министерства. Не считая заводов, КБ. Тысячи человек! А ракеты-то нет! Ракеты фактически нет, вы уж меня извините! Как это квалифицировать, Андрей Ильич? Чем вы это все объясняете?

— Недомыслием!

— Что? Прошу повторить.

— Пожалуйста, недомыслием! Товарищи, это неизбежный этап, это — будни, в этом наша работа. А вам не

терпится получить результат. И мне не терпится. Но так не бывает!

— Помилуйте, это же не первый пуск! Полтора года работы! Где ж тут «не терпится», Андрей Ильич!

— Если Морозов торопится, я могу уступить. Но здесь холодно, и мы больше суток не спали.

Однако Морозова невозможно было остановить.

— Согласитесь, что машина в подготовке сложна, система управления и двигатели ненадежны, количество дефектов не уменьшается, а растет...

— Позвольте,— поинтересовался Огнев. — А вы — кто? Вы что, специалист по двигателям?

— Не заводись,— сказал Костромин,— потом будешь опять сосать валидол.

— Нет, нет,— отмахнулся Огнев.— Я хочу знать: откуда он разбирается в двигателях?

— Я знаю одно — ваш двигатель не доведен. И, кстати, ваша система управления тоже!

— Я замерз! — закричал Огнев. — Понимаете, я замерз! Мне надоели эти дилетантские рассуждения! Все ваши предложения я читал. Вы же просто страхуетесь от ответственности! И предлагаете черт знает что — чуть ли не заново делать двигатель, снизив вдвое полезный груз! Да! Да! Что вы смотрите на меня? Вот сущность всех ваших предложений!

— Не кричите, я хорошо слышу и так.

— Извините.

— Если бы мы занимались чистой наукой... Но речь идет об обороне страны! Вы мне дайте надежный носитель, а себе берите сообщения ТАСС, спутники и все что угодно!

— Слышишь? — толкнул Башкирцева Костромин.

— Слышу,— сказал Башкирцев.— Слышу. Не кажется ли тебе, Головин, что разговор идет странный?

— Нет, не кажется. По существу, он прав.

— А с чего это ты решил, что мы застрахованы от неудач? Получается так, что только «Атласы» могут взрываться на

старте, и это считается в порядке вещей. А у нас — тишь и гладь. Нет! Взрываются и у нас. Берут и взрываются. Объективность, черт подери! Она сильнее наших субъективных желаний! Идет процесс познания, и его не ускорить ничем! Никакими решениями и постановлениями! У человечества подобного опыта нет! Одна надежда — твой товарищ Морозов научит!

— Мой товарищ Морозов честно делает свое дело, и, пожалуйста, не трогай его. А ты и твои друзья — вы просто помешались на космосе! Ни о чем другом не желаете знать!

— Опомнитесь,— взорвался Башкирцев.— Освоение космоса — не моя дурацкая блажь! И не видеть этого, не понимать могут только ограниченные люди! Извините, я лучше думал о вас! Простите!

Головин вплотную подошел к нему.

— Спасибо,— тихо произнес он.— Крепко ты уважил меня. Спасибо. Ведь было же время, Андрей Ильич, когда ты ходил в коротких штанишках... Кто тебя тогда поддержал? Не стесняйся — свои же люди. Долг красен, говорят, платежом. Будем считать, что мы расквитались! — И Головин поклонился ему.

— Товарищи, товарищи,— сказал Костромин. — Ну для чего обострять?

Башкирцев отвернулся. Головин тоже молчал. В этот момент подошел Беляков и что-то сообщил председателю Госкомиссии.

— Ну, вот,— сказал тот, обращаясь ко всем.— Так я и знал. Логунов требует — по ВЧ. Должно быть, тоже ему не спится.— И посмотрел на Башкирцева.— Поговорил бы, Андрей Ильич.

Башкирцев ушел.

— Не обижайтесь вы на него,— сказал Костромин.— Он же места себе не находит. Вы думаете, что ему легко?

— Да ну! — махнул рукой Головин и посмотрел на председателя Госкомиссии.— А ты, Константин Гаврилович, тоже хорош. Правильно с ним поделил функции! Как удача,

бежишь докладывать ты, а как авария — уступаешь это право Башкирцеву!

Председатель комиссии промолчал. Из бункера возвратился Башкирцев.

— Доложил как есть,— сказал он.— В общем, в десять Москва будет решать, как нам жить дальше. И Логунов вылетает сюда. Пожалуй, все.— Он поежился.— Я пошел спать.

По бетону мело снег...

«Две гитары, зазвенев,
Жалобно заныли,
С детства памятный напев
Старый друг мой, ты ли?
Эх раз! еще раз! Еще много, много раз».

— Ну и далее в этом же роде.

— Пой,— сказал Костромин. — Пой, не выламывайся!

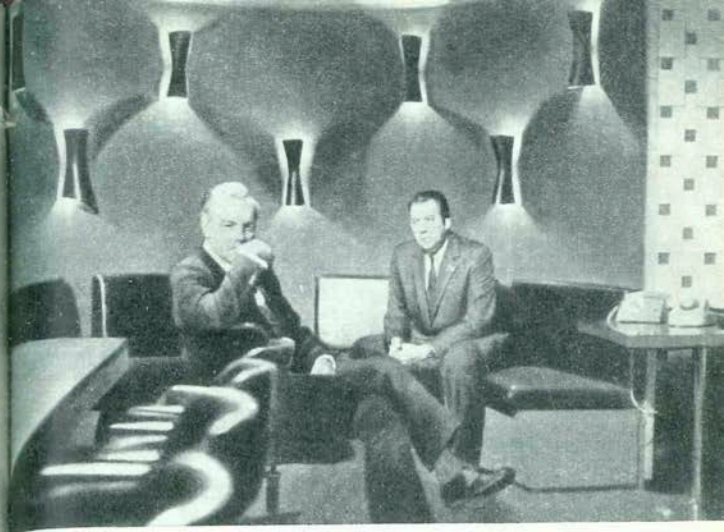
И Леонид снова запел. Он сидел на кровати в номере космодромной гостиницы, положив нога на ногу, и, казалось, прислушивался к перебору струн.

На столе стояли граненые стаканы, блюдца, консервы, банка клюквенного варенья, холодные пирожки из буфета и единственная бутылка коньяка, уже наполовину пустая.

Что-то далекое, позабытое полоснуло вдруг Башкирцева по сердцу, и он отвернулся к окну. За окном сыпал мелкий снежок, и в этом серебристом мареве расплывались редкие ночные огни космодрома.

«Поговори-ка ты со мной,
Подруга семиструнная,
Душа полна такой тоской,
А ночь такая лунная...»

Зоя Сергеевна встала и прошлась в ритме танца. Она задержалась напротив Башкирцева и танцевала сейчас для него. Но он не видел ее.



Он находился где-то далеко отсюда. Он смотрел в ночь, на падающий за окном снег. Зоя Сергеевна, увидев его лицо, замерла на полутакте. Леонид все еще перебирал струны.

Кто-то постучал в дверь.

— Да, войдите! — сказал Башкирцев.

Дверь распахнулась — вошел Головин и, посторонившись, пропустил Логунова.

— Николай Иванович! — Башкирцев поднялся навстречу ему. — А сказали, что Москва не выпускает. Я бы встретил тебя!

— Пустяки! — сказал Логунов. — Добрался и так. Анатолий Григорьевич все рассказал по дороге.

— Ну что ж.— Башкирцев кивнул.— Я благодарен ему.

Головин критически осматривал стол.

— Не время, Андрей Ильич,— хмуро произнес он и показал на бутылку.— Сам же установил здесь «сухой закон».

Башкирцев молча подошел к столу, взял со стола бутылку, демонстративно вышел в туалет и возвратился с пустой бутылкой.

— Что это ты? — опешив, спросил Логунов.

— Слово Анатолия Григорьевича — закон.

— Ого! Ереванский разлив! — сказал Логунов. — Жаль! Я бы не отказался!

— Три месяца до удачного пуска берег,— сообщил Леонид. — А теперь уже все равно.

— Насколько я понимаю,— сказал Логунов,— тризна по безвременно погибшей ракете?

— Да, вроде того.

Все ждали самого главного, а Логунов, как нарочно, тянул.

— А почему у всех такой погребальный вид? — спросил он.

— А с чего радоваться-то? — сказал Башкирцев.

— Ну, во-первых, всем большой привет из Москвы!

— А во-вторых?

— Все.

— Как — все? А по поводу неудач?

— В неудачах надо разбираться самим. Кто же станет за вас разбираться?

— И оргвыводов никаких?

— Вывод один: нужно работать! Может, вы разрешите мне снять пальто?

Прошли в соседнюю комнату. Логунов присел на кровать.

— Что, поссорились, молодцы? Как же будем жить дальше?

— У меня к Анатолию Григорьевичу претензий нет. Он не понимает меня — это факт его биографии. Мне остается лишь сожалеть.

— Андрей Ильич, ты неправ,— сказал Логунов.— Ну чего вы не поделили? Столько лет вместе, все заодно, и вдруг...

— Не вдруг! — с трудом сдержался Башкирцев.— Не вдруг.— Он с силой захлопнул дверь, и они остались втроем.— Кроме чисто военных задач существуют и общечеловеческие.

— Кто же спорит с тобой? — сказал Логунов.

— Вот он! — показал Башкирцев.

— Я?! — опешив, переспросил Головин.

— Да, ты! И твои подчиненные!

— Посмотрел бы я, что бы он делал без нас! У каждого, Николай Иванович, свои интересы. Мне нужен ракетно-ядерный щит. А ему — освоение космоса.

— Вот! Вот! — Башкирцев замотал головой.

— Ты, Анатолий Григорьевич, тоже неправ! — резко сказал Логунов.— «Ему», «мне»... Нам! Нам нужно и то и другое. К чему эти противопоставления?

— Но в результате ракеты-то нет? — сказал Головин.

— Будет!

— Когда? — спросил Головин.— Назови срок.

— В течение года.

— Конкретней.

— Четвертого октября. Тебя это устраивает?

— Ведь я не шучу.

— И я не шучу.

— Значит, вопрос исчерпан,— сказал Логунов.— Теперь серьезно. Жаль, ты вылил коньяк... — Он помолчал. — Сегодня у нас в ЦК обсуждались ближайшие перспективы. Имеется в виду — космонавт.

— Космонавт? — переспросил Головин.

— Да,— подтвердил Логунов.— Кос-мо-навт. Понятно, не завтра, не через год, так, годика через четыре. Разумеется, если его поддержать и морально и материально.

— Значит, что ж получается? — спросил Головин.— Все «за», я один-единственный «против». Завидную вы мне придумали роль.

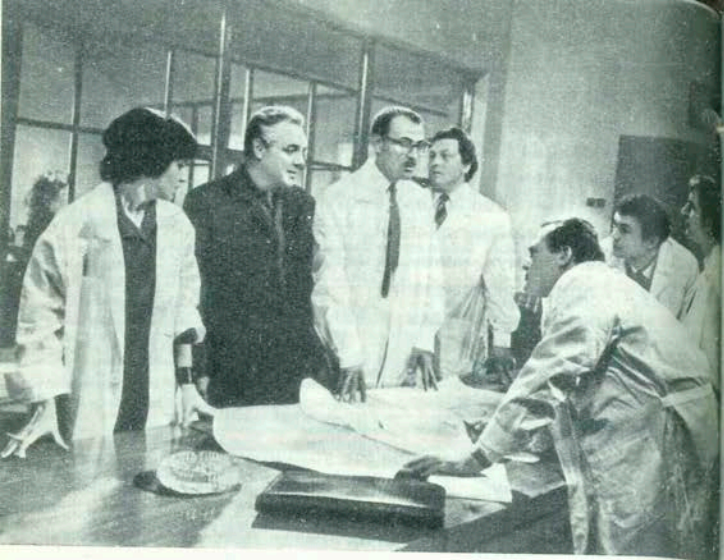
— Никто тебе не придумывал,— сказал Башкирцев.— Сам ее выбрал, сам!

— Да откуда ты взял?

— А что, если мы рекомендуем его? — предложил Логунов.

— В качестве космонавта?

— Для космонавта он, думаю, староват. И комплекция грузновата. А для председателя Госкомиссии подойдет.



— Ну, Башкирцев, держись! — сказал Головин.

— Спасибо,— кивнул Башкирцев.— Что называется — удружил! Только этого мне не хватало!

— В каждом деле,— сказал Логунов,— необходим скептик. Это вносит здоровый баланс!

Часы показывали восемь утра.

Башкирцев вошел в приемную перед своим кабинетом. Там уже ожидали несколько человек.

— Вы что тут делаете? — спросил он, оглядывая ранних посетителей.

— Андрей Ильич, к вам.

— Ко мне? А зачем ко мне? Работать идти надо.

— Да нет, Андрей Ильич, только вы. Другие этого разрешить не могут.

— Ладно, после обеда заходите гуртом. Как-нибудь разберемся.

И стремительно прошел в кабинет. Тут же нажал кнопку звонка, вызвал к себе секретаршу.

— Начнем с расписывания ВЧ-грамм. Много их набралось за ночь? Да здесь, я вижу, хоть отбавляй! Не знаешь, что они хотят от меня? — Он кивнул в сторону приемной.— Если с жильем, посылай к Ольхину. Я не распределяю квартиры. У меня в кармане нет ордеров.

Разговаривая, он знакомился с содержанием ВЧ- грамм и прямо на тексте размашисто писал резолюции.

— С половины девятого начнутся звонки. Не соединяй, скажи, что на производстве.

— А если Минаев будет звонить?

— Тоже. Сколько было вчера звонков? Я просил посчитать.

— Сто сорок.

— Нет, с этим нужно кончать! Позови-ка группу «ПС».

— Они ждут. — И показала на зал заседаний, где сидели несколько человек.

— А, мыслители! — воскликнул Башкирцев, энергично входя в зал.— Ну как? Продвинулись со вчерашнего дня?

— Андрей Ильич,— запинаясь, стал объяснять молодой инженер,— тут споры у нас относительно формы: форма шара или форма яйца?.. А может — эллипсоидная форма?

Башкирцев бегло взглянул на чертеж.

— Каким же все-таки будет искусственный спутник?

— Пока затруднительно точно сказать... Мы сделаем несколько разных вариантов и прокомпонуем каждый из них.

— Понятно, понятно,— Башкирцев кивнул.— Сколько это займет — месяц, три месяца, год? Вы думаете, что в запасе — вечность? Послезавтра — с большим видом ко мне. Пятого мая мне нужен спутник в металле.

— Пятого мая?!

— А что? В ваши годы я спал через день.— И направился в кабинет.

— Прощай личная жизнь! — услышал он за спиной.

Возвратился за письменный стол. Сел. Опять углубился в бумаги.

— ВЧ. Андрей Ильич!

— Я же просил не соединять! — Нехотя взял трубку.— Да... Да... Так, так... Еще раз, пожалуйста, по порядку.— Он пальцем зажал микрофон и свободной рукой набрал номер.— Громов? Послушай. О тебе разговор.

И соединил обе трубки.

Вышедших от Башкирцева атаковали несколько человек.

— Ну как?

Тот, к кому относился вопрос, молча пожал плечами.

— В каком настроении?

— Мм... А ты с чем?

— Графики.

— И не суйся. Веди себя, как Ньютон. Сиди и жди, когда упадет яблоко.

— А если это будет арбуз?

Башкирцев безуспешно вращал диск. Короткие гудки... Номер был занят. Наклонившись к селектору, приказал:

— Константинову, срочно!

— Сейчас, Андрей Ильич.

Включил телевизор. Вспыхнул экран. На экране возник один из цехов.

— Широкова с технологом к двум пятнадцати ко мне!

— Хорошо, Андрей Ильич,— ответил динамик.

— Нажал на клавишу — возник другой цех.

В кабинет вошла Зоя Сергеевна.

— Андрей Ильич, вы меня вызывали?

— Как с моими замечаниями? Разобрались?

— Все в порядке, подчищаем хвосты. Неделя.

— Два дня.

— Господь с вами, Андрей Ильич! Ну что такое — два дня?

— Послушайте, а с кем вы болтали по телефону? Я вам дозванивался полчаса!

— Болтала? Это опять Барычев звонил с этим отчетом по замечаниям военпредов. Работать некогда из-за бумаг!

— Я же им запретил звонить!

— Все равно названивают!

Молча придвинул к себе телефон и набрал номер.

— Сеня? Здравствуй... Да, это я. Тебе поставили телефон не для того, чтобы ты им бесконечно пользовался. И трезвонил, в частности, нам. Как — что? Нет, буду решать один. А они должны думать. Ду-мать! Это их основная работа! А на бумажках да на звонках не полетишь! Понял?.. Прекрасно. Я говорю — хорошо. Бывай.

Повесил трубку.

— Больше он не будет звонить.

С шумом толкнув дверь в кабинет, вбежал директор завода Клюев.

— Андрей Ильич, на сборке второго отсека ЧП!

— Вот только недоставало твоего ЧП!

— Слесарь, черт бы его побрал,— Клюев вытер вспотевший лоб,— пропорол сверлом герметическую оболочку!

— А почему у тебя сверлят на сборке? Я же категорически запретил! А заварить там можно?

— В том-то и дело, что нет! Теперь этот отсек будет на сборке не раньше, чем через неделю.

— Слушай,— сказал Башкирцев,— ты мне эти фокусы брось! Пошли в цех!

Выключил телевизор, прошелся по кабинету.

— И так каждый день!

В дверях появилась голова секретарши.

— Минаев,— сказала она, извиняясь, и показала на телефон.

— Я же сказал, что меня нет! А ты ему что сказала?

— Я сказала — сейчас доложу.

— Я тебя выгоню, дура!

Секретарша расплакалась и ушла. Зоя Сергеевна посмотрела ей вслед и, побледнев, повернулась к Башкирцеву.

— Как вы смеете ее оскорблять? Она же вам не может ответить!

— Вы правы,— кивнул Башкирцев, пропуская ее вперед.— Я начинаю превращаться в скотину.

Дождавшись, пока Зоя Сергеевна уйдет, Башкирцев вернулся к столу секретарши.

Девушка плакала, уткнувши голову в стол.

— Ну будет, будет,— с какой-то неожиданной нежностью виновато произнес он.— Ну погорячился... Ведь у меня тоже все неприятности — то одно, то другое... Ну улыбнись... Ну, мир? Да?..

Секретарша кивнула. Краска с ресниц текла у нее по лицу...

...В монтажном зале, высотой с многоэтажный дом, собирали ракету. Она ослепляла своей белизной и была уже полностью состыкована.

На легкой тележке Спутник ввезли в зал. Рядом с огромной ракетой шарик казался крохотным.

Башкирцев остановился над ним, прикоснулся к полированной оболочке.

— Сережа,— сказал он,— а ну включи.

И поплыли прозрачные звуки «бип-бип»...«бип-бип»... «бип-бип»...

Все замерли на мгновение, все застыли на своих местах — Огнев, колдовавший у рулевых двигателей. Зоя Сергеевна, Костромин... Монтажники, облепившие корпус ракеты... «Бип-бип»... «бип-бип»...

— Достаточно. Выключай.

Подышал на шарик, потер рукавом.

— Забирайте.

Шарик медленно поплыл через зал.

Башкирцев подошел к Огневу, обнял его.

— Ну как, вытянешь нашего первенца?

— Ты же вытянул из меня все жилы. Теперь я просто обязан вытянуть.

Раскрылись ворота монтажного корпуса, и оттуда показался мотовоз, везущий на старт ракету.

Ее провожали, как на парад — молча и с непокрытыми головами.

Башкирцев с Огневым, обнявшись, шли впереди. За ними следовали Логунов, Костромин, Карелин...

Потом установщик поднял ее... Потом подвели площадку обслуживания... И, наконец, фермы сомкнулись над ней.

Башкирцев стоял, задрав голову вверх, и наблюдал за привычным процессом. На фермах уже работал народ.

Огнев, сбежав по лестнице вниз, начал проверку рулевых двигателей. Он делал это сегодня в двенадцатый раз...

... Спустилась глубокая осенняя ночь. Дул ветер. Небо было беззвездным.

И вдруг на старте появился горнист, и ночь прорезал торжественный звук горна.

Пела труба. Она возвещала зарю.

Горнист проецировался на экранах двенадцати мониторов.

Все молча сидели за столом в гостевой.

— Четвертого октября...— задумчиво сказал Головин.— Неужели такая точность? Или это случайное совпадение?

Башкирцев внимательно посмотрел на него, покачал головой.

— Совпадение.

Труба смолкла. Остались уже не часы — минуты, секунды, которые принадлежали истории.

Под соплами вспыхнуло пламя, и покатился гул, нарастающий одновременно с клубами дыма. А пламя бушевало, росло — казалось, дрожали плиты бетона, которыми был покрыт космодром.

И вот, озаренная пламенем, в сплошной ночной черноте ракета медленно покинула Землю. Она, как факел, раздвинула темноту, и по бетону заметались длинные тени.

Еще в пределах видимости ракета сделала поворот и плавно легла на заданную траекторию. Над космодромом снова сомкнулась ночь.

— Десять секунд — полет нормальный... Двадцать секунд — полет нормальный... Давление в камерах — в норме... Тридцать секунд — все нормально...

В пусковом зале царила звонкая тишина — только удары сердец и голос хронометриста. Башкирцев стоял, упершись лбом в стекло, и, ничего не видя, смотрел в пусковой зал.

Медленно тянулись секунды.

— Тридцать пять... Все параметры в норме...

Яркая звездочка мерцала в сплошной черноте, образуя мальтийский крест.

— Есть выключение двигателя третьей ступени... Есть разделение объекта с носителем!

Башкирцев поднял голову и шумно вздохнул. Головин опустился на стул. Логунов вынул платок и вытер вспотевший лоб... Огнев заплакал...

Была ночь, степь и пыль.

В темноту вонзились два острия фар. Башкирцев на черной «Волге» летел к фургону приемной станции.

В фургон до отказа набился народ. Человек двадцать стояли снаружи.

Башкирцев затормозил у фургона, вылез, стал в стороне. Трещали кузнечики, ровно работал мотор. В машине горел свет — Башкирцев не захлопнул двери.

И вдруг послышалось — «бип-бип»...

Это из космоса заговорил Спутник, оповещая все континенты Земли о наступлении космической эры.

«Бип-бип»... «бип-бип»...

Башкирцев обхватил голову, запрокинул ее и, не пытаясь сдерживать слезы, пошел, пошатываясь, в черную степь...

«Журналь дю диманш» публикует заявление Фредерика Жолио-Кюри: «Эта великая победа человека является поворотным пунктом в истории цивилизации. Человек больше не прикован к своей планете».

Башкирцев сидел, развалясь в кресле, даже не сняв плаща.

Посреди кабинета стоял чемодан, на полу валялась измятая кепка.

У него был на редкость усталый вид.

«Вашингтонский корреспондент «Юнайтед пресс» передает: «Девяносто процентов разговоров об искусственных спутниках Земли приходилось на долю США, а, как оказалось, сто процентов дела пришлось на долю России. Они это сделали, и сделали первыми...».

Башкирцев слушал и устало кивал.

«Английский ученый — профессор Ловелл заявил: «Это замечательное достижение свидетельствует о высокой степени технического прогресса...»

«Доктор Джозеф Каплан из Принстонского университета»...

Башкирцев встал, выключил приемник и погасил в комнате свет.

Город уже засыпал. Над Большим Каменным мостом выгнулись лампионы неоновых фонарей. Горели красные звезды на башнях Кремля. В «Ударнике» только что закончился сеанс.

Под мостом стояло несколько свободных такси.

— Куда?— спросил водитель, включая счетчик.

— Внуково,— сказал Башкирцев,— на аэродром...

Самолет коснулся колесами бетона и побежал по полосе. На стоянке не было никаких машин, и только выстроилась очередь на автобус.

Башкирцев шел мимо очереди, все убыстряя шаг. На шоссе его нагнал бензовоз. Башкирцев проголосовал и влез в кабину.

Мотая тяжелым прицепом, бензовоз летел по шоссе. Вот он выехал за поворот, и неожиданно открылось море.

Близился вечер. Солнце уже купалось в воде...

— Я не спала,— сказала Наташа.— Ну здравствуй. Только, пожалуйста, не смотри на меня. Я раздета.

В комнате было абсолютно темно, и лишь светился экран телевизора.

— Одевайся,— сказал он. — Я не смотрю. — И повернулся лицом к телевизору.

В двадцатый раз передавался спецвыпуск.

«Всюду, на всех континентах Земли, люди взволнованы запуском Спутника. Это событие потрясло мир...».

— Садись,— сказала она.— Что ты стоишь?

На экране проплывали Нью-Йорк, Париж, Лондон...

— Какими ветрами тебя занесло? — спросила она.

— Просто захотелось увидеть.

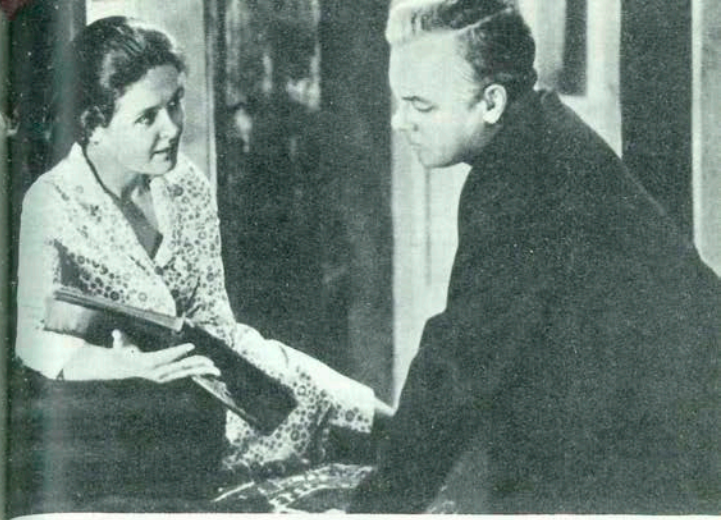
— Очень мило с твоей стороны. Фантастика?

— Да,— согласился он. — Фантастика.

Сотни людей толпились у газетных киосков. Первые полосы зарубежных газет... И на всех языках — «Спутник, Спутник, Спутник»...

— Ну, вот,— сказала она и включила свет, потом выключила телевизор.

Теперь он мог рассмотреть комнату. Мало что изменилось



здесь. На кроватке, у стены, разметавшись, спал вихрастый мальчишка. С табурета свисали брюки, под кроваткой стояли стоптанные башмаки.

— Кто это? — спросил Башкирцев.

— Алешка.

— Твой сын?

— Мой.

— Кто же отец?

— Ты.

— Сколько ему?

— Четыре. Он родился в пятьдесят третьем году.

Достала альбом с фотографиями, протянула ему.

— Смотри,— сказала она.— Вот таким я его принесла домой. Вот это — он начал ходить. Это — у подруги на даче. Это — снимали в детском саду. Да вот же он, вот.

Башкирцев чувствовал, как к горлу подкатывал ком, он хотел закричать — перестань! Замолчи! Но сдержался.

— Потом у него была корь, коклюш... Потом он схватил воспаление легких... Я думала, что сойду с ума...

— Мальчишке нужен отец,— наконец выдавил он.

— Как-нибудь,— сказала она,— обойдется. Нам совсем неплохо вдвоем.

— Смотрю я на все — и черт меня побери!.. Что мы наделали с нашей жизнью! Кто нас рассудит и кто нас поймет? Почему мы не вместе?

— Потому, потому и тысячу раз потому.

— Напрасно ты бросаешься мной,— сказал он.

— Еще бы! — согласилась она.— Крупный конструктор. Нужно быть идиоткой, чтобы отказываться от тебя!

Воцарилось продолжительное молчание.

— Могу ли я что-нибудь сделать для вас?

— Ты можешь не приезжать?

— Тебе это неприятно?

— Мне все равно,— сказала она.

Он встал и прошел к окну. Отсюда просматривался балкон и кусок кирпичной стены.

— Вот к чему все пришло... Мы разговариваем, как посторонние люди. Страшно вдруг обнаружить, что ты один... В молодости все нипочем, в молодости все просто. С возрастом это оборачивается сложней... Черт возьми, зачем я тебе все это говорю!

— Брось,— сказала она. — Не хнычь! — И сама подошла к нему.

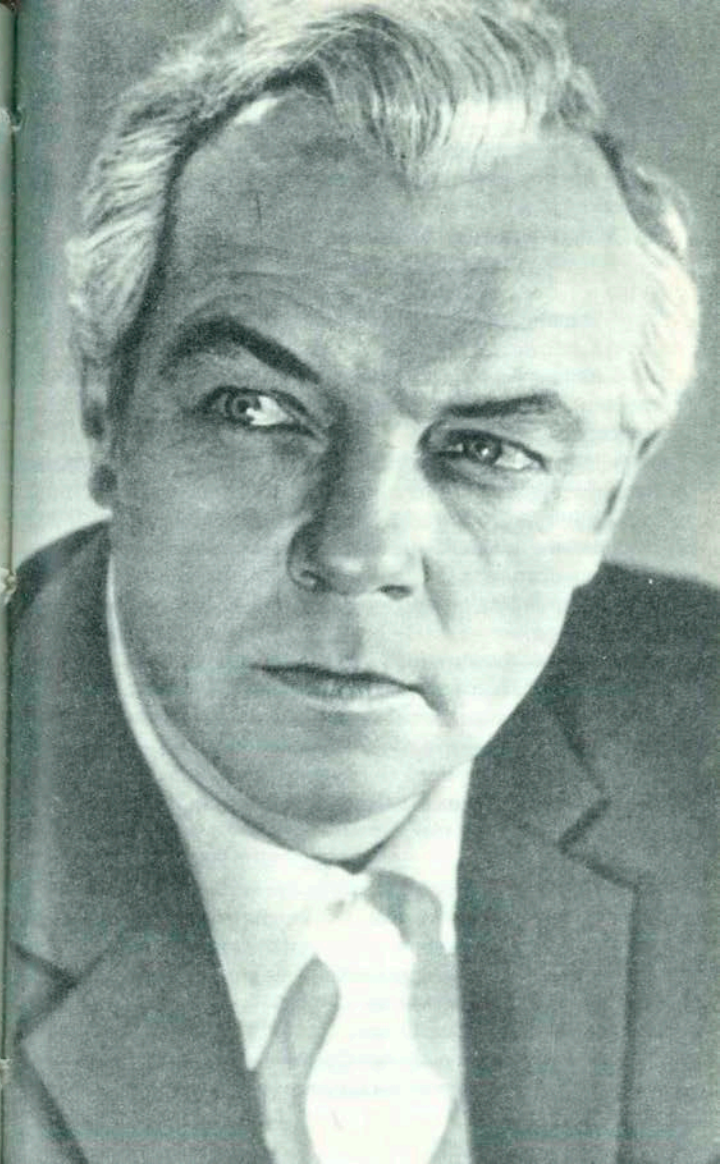
Повернув его голову к свету, долго смотрела в глаза.

— Ты даже не представляешь,— сказал он,— как мне не хватает тебя!

Она улыбнулась и только повела головой.

— А если бы,— сказал он,— я взял и остался? Здесь. Сейчас. Навсегда?

— Нет,— тихо сказала она.— Никогда ты здесь не останешься. Главное в твоей жизни — там... Господи, до чего же я знаю тебя! Я знаю каждую твою клетку! Попробуй лиши тебя дела — и ты умрешь! Ну а при чем здесь я? Или он?



Работа — твоя великая радость, работа — твой крестный путь!

И опять наступило молчание.

— Прости меня. Мне завтра рано вставать,— буднично сказала она.

Он притянул ее к себе, зашептал губы в губы.

— Я хочу остаться... Слышишь? Честное слово, хоть до утра.

— В данном случае важно — хочу ли этого я. А я этого не хочу.

И непонятное наваждение, в котором он жил весь этот день и всю эту ночь, вдруг сразу прошло. Все встало вновь на свои места.

— Ну что ж,— спокойно произнес он,— по крайней мере — прямо и ясно.

В кабинете Башкирцева царил полумрак. Горела только настольная лампа.

— Андрей Ильич, можно уйти? — спросила его секретарша.

— Идите,— кивнул он, не повернув головы.

— «Кремлевку» я переключила на вас.

Дождавшись, когда секретарша ушла, он сбросил пиджак. Прошел к телевизору.

На экране возник один из цехов. Там работали. Переключился на другой цех. Здесь шли испытания. Установка имитировала кабину и люк.

— Готов!

— Включаю! Отброс!

Ударили глухо толкатели, и тяжелая крышка, весящая сто килограммов, отлетела и закачалась в сетке.

— К вам можно, Андрей Ильич? — услышал он за спиной.

В дверях кабинета стояла Зоя Сергеевна. Он выключил телевизор, направился к ней.

— Что-нибудь случилось? Почему так поздно?

— У меня сугубо личный вопрос.

— По личным вопросам я принимаю по вторникам.

— Может быть, сделаете исключение для меня?

— Поневоле приходится.

И опустился в кресло напротив нее.

— Слушаю вас.

— Андрей Ильич, это будет мужской разговор,— предупредила она.— Два года назад мы расстались с мужем, и теперь я живу совершенно одна.

— Так.— Башкирцев кивнул.— А в чем ваш вопрос?

— Выслушайте меня до конца. Можно у вас курить?

— Курите, курите.

— Для века кибернетики и космических скоростей,— продолжала она, затягиваясь сигаретой,— характерен холодный рационализм. Человеческий разум уже способен подняться над чувством. Чувства — это девятнадцатый век. Они остались в романах Тургенева...

— Короче,— сказал Башкирцев.— Для чего вы пришли? Вы же у меня отнимаете время.

— Хорошо,— согласилась она,— без всяких красивых фраз... Как принято выражаться — «не растекаясь по древу»... Вы живете один, я тоже — одна. Почему бы нам не жить вместе? — И, боясь, что он перебьет, продолжала, все более воодушевляясь.— Я читала один научный трактат, он называется «Три влечения». Смысл его состоит в том, что три влечения существуют между мужчиной и женщиной: влечение сердца, потом — ума и третье... вы догадываетесь, какое влечение. Автор доказывает, что достаточно одного для здорового современного брака.

— А какое имеете в виду вы? — с легкой усмешкой спросил он.

— Второе,— сказала она.— У нас общая цель. Нас объединяет работа.

— Это ясно, ясно. Не ясно одно: как я должен к вам относиться?

— Вполне достаточно меня уважать.

— Вы полагаете, что этого достаточно?

— Я взрослый, самостоятельный человек,— сказала она,— вполне независимый морально и материально...— И вдруг что-то в ней прорвалось.— Господи! Что я несу! Почему вы не выгоняете меня? Как вы можете слушать эту пошлятину? Разве вы не видите, что я вас люблю, вы — старый слепой чурбан! Простите меня, простите!

Башкирцев стоял растерянный перед ней. Она уронила в ладони лицо, плечи ее тряслись.

— Извините меня... — всхлипывая, шептала она.— Я не знаю, как я решилась... Но я уже не могла... Не могла...

— Ну, успокойтесь,— тихо сказал он.— Вы слышите, Зоя Сергеевна! Я ведь и не стою того... Вы умница... Вы прекрасная женщина...

— Простите, простите, Андрей Ильич!..

— За что вас прощать? Все это понятно и грустно... Но мне нечего вам сказать...

...«Чайка» Башкирцева шла по шоссе. В лучах фар плясали березы, образуя фантастический хоровод.

Но Башкирцев смотрел не на них. Насупившись, он сидел рядом с Огневым.

— Ты раскомандовался, как монополист! Ты все хочешь делать один.

Огнев посмотрел на Башкирцева. Башкирцев молчал. За окном мелькали березы.

— А что? — сказал Огнев.— Разве не так? — В голосе уже не было прежней уверенности.— Ты поссорился с Костроминым, нажаловался на него в ЦК из-за пустячной задержки с поставкой...

— Если бы он обставлял мне мебелью кабинет... Но я делаю дело!

— Не ты один! Работает огромная кооперация! Но ты никого и ничего не щадишь!

— В том числе и себя. Короче — ты хочешь уйти?

Этого Огнев не ожидал, но отступать было некуда.

— Я вынужден просить об отставке!

— Можешь считать, что она принята с выражением моего глубочайшего сожаления. Останови,— сказал он шоферу.— Товарищу с нами не по пути.

«Чайка» остановилась посреди шоссе. Огнев пожал плечами и вышел.

Хлестал проливной дождь, было темно. Как назло, не проезжала ни одна машина.

Прошла минута, а может, две. Не разворачиваясь, «Чайка» вернулась задом.

— Понял? — сказал Башкирцев.— Каково тебе без меня? Ну, влезай. Так и быть, разрешаю.

— Катись, катись! — сказал Огнев.— Сам доберусь!

И, хлюпая башмаками, пошел прочь. «Чайка» тронулась с места и опять поравнялась с ним.

— Брось, Женя! — высунувшись, крикнул Башкирцев.— Ведь простынешь и схватишь грипп! Азиатский сейчас свирепствует.

Огнев, насупившись, смотрел на асфальт. На асфальте лопались пузыри.

Башкирцев вылез, схватил его «за грудки».

— Ты что, издеваешься надо мной?

— Сказал — не поеду!

— Спектакли тут будет устраивать! Смотри-ка, характер показывает! Капризы тут начинает разводить! Детский сад!.. Ты что хочешь, чтобы народ собрался?

— Я тебе не мальчишка! — крикнул ему в лицо Огнев.— Не смей на меня орать!

Но Башкирцев уже вталкивал его в автомобиль.

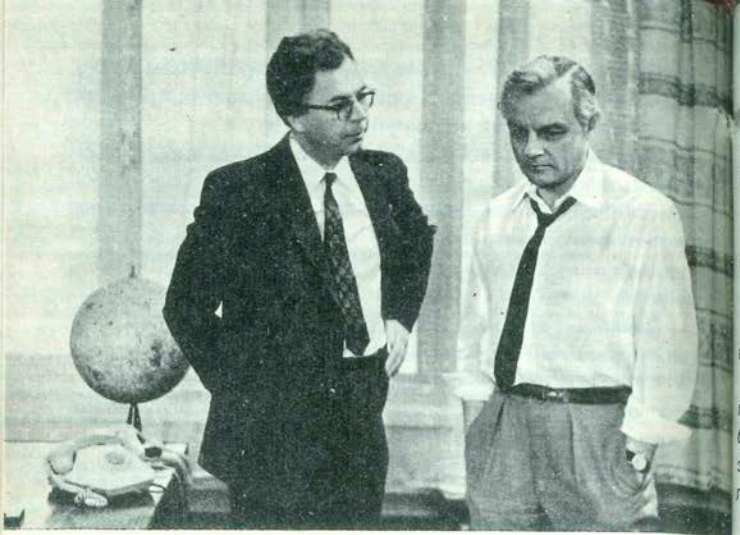
И снова «Чайка» шла по шоссе.

Огнев сидел нахохлившись и шмыгал носом. Башкирцев, улыбнувшись, посмотрел на него.

— Уже простудился? — участливо осведомился он.

— Дурак!— сказал Огнев.— Старый дурак! И выходки у тебя дурацкие! Я серьезно тебе говорю.

— А я несерьезно? Ну куда ты денешься без меня? Мы с тобой старики в самом буквальном смысле. За спи-



ной — целая жизнь. И какая! Разве плохо тебе со мной? Смотри, уже — академик, а это что у тебя — Золотая Звезда?

— Но пойми, что мне невозможно дышать!

— А, думаешь, у самого идеальный характер? А я ведь не жалуюсь, я терплю. И ты должен терпеть. А как же?..

Был Первомай. И окна были раскрыты. И с улицы доносился марш.

«В Москве семь часов тридцать минут утра, а в Хабаровске уже заканчивается праздничная демонстрация».

Шаров наливал в стопки коньяк.

— Послушай,— сказал Башкирцев.— хорошо ли в такую рань?

— Все относительно,— кивнул на приемник Шаров.— Будем считать, что мы в Хабаровске.

В этот момент раздался телефонный звонок.

— Да,— сказал Башкирцев.— Привет, Николай Иванович! С праздником тебя!.. Шаров? Да вот сидит у меня... Да нет, только пришел, собираемся на площадь. Логунов,— с недоумением произнес он, протягивая трубку Шарову.

Шаров приглушил приемник, встал.

— Я, Николай Иванович... Так... Так... — Прошелся вдоль стола, прикрыл створки окна.— Надо же — Первого мая!..

Антенна описала правильный круг, двигаясь безостановочно в одном направлении.

Было тихо, ничто не предвещало беды. Небо подернуло легкими облачками. Только внизу, глубоко под землей, за бетонными перекрытиями, жило ощущение тревоги. По экранам радаров скользил электронный луч. В верхнем левом углу перемещалась яркая точка.

Мигали индикаторы электронно-счетных систем, обрабатывая информацию.

Данные поступали на командный пункт. Здесь царил полумрак, операторы сидели у экранов радаров, и светилась только одна стена с картой всего континента — от полюса до южных границ, от запада до Владивостока.

Башкирцев с Шаровым молча смотрели в окно.

На улицах уже толпился народ. С лотков торговали мороженым. Звучала гармошка. Кто-то плясал. Между взрослыми бегали дети — было шумно и празднично от красных знамен, от улыбок, от транспарантов.

— В шесть часов засекли над Памиром,— сказал Шаров.

— Чей?

— Без опознавательных знаков. И радиосвязи не держит ни с кем.

— Высоко?

— Двадцать две тысячи метров. Ни зенитки, ни истребители не могут достать. Хотят попробовать ракетой.

— Твоей? — спросил Башкирцев.

Шаров кивнул.

— Как ты думаешь, что у него на уме?

Башкирцев пожал плечами.

— Бомба? — шепотом произнес Шаров и побледнел.

Башкирцев молчал.

— Поеду на КП ПВО,— сказал Шаров и направился к двери.

— Постой,— спохватился Башкирцев.— А как же парад, демонстрация? Неужели же отменять?

...От трибун у Кремлевской стены до трибун под липами ГУМа Красную площадь заполнила детвора. Над площадью звучал вальс.

В динамиках звучал вальс — шла трансляция с Красной площади. Его перекрыл новый звук — низкий, прерывистый вой сирены.

Солдаты бежали к своим постам, на бегу придерживая противогазы.

Скатывались по лестницам в бункера, рассыпались по пусковым установкам, убирали сетки, чехлы... Боевая готовность!

Башкирцев стоял на одной из трибун слева от Мавзолея. Огнев стоял рядом с ним.

— Что ты вертишься? — спросил он.— Что-нибудь случилось?

— Ничего.

— Случилось или — ничего?

Подошел Логунов. Поздоровались.

— Летит,— сказал Логунов.— Уже над Уралом.

Башкирцев посмотрел на часы.

— Без четверти час будет здесь.

Логунов отрицательно покачал головой:

— Не будет.

Медленно, одна за другой, синхронно с антенной радара, установки двинулись, нащупывая цель.

В подземном бункере звучал марш — знакомый голос майской столицы.

В этот голос вплетались новые голоса, диссонирующие с праздничной музыкой.

— «Урал-восемь»! Быть готовым к уничтожению самолета-нарушителя! Азимут — 135, дальность — 150, высота — 22!

— Цель 51-01! Высотная, одиночный самолет, на запросы «Я — свой» не отвечает!

В другом бункере, глубоко под землей, в темноте светились только экраны радаров.

— Есть цель по углу!

— Есть цель по дальности!

— Цель — азимут-135! Высота —22! Уничтожить! Внимание... Пуск!

Под соплом ракеты забушевал огонь. Сорвавшись по скошенной траектории, ракета сделала в воздухе разворот и понеслась к цели...

Рядом с Башкирцевым все так же стоял Логунов. Демонстрация продолжалась.

Мимо быстро прошел Головин. За ним еще несколько генералов. Поднялись на Мавзолей.

— Сейчас,— сказал Логунов.— Разузнаю.

— Да, да — разузнайте! — Башкирцев шумно вздохнул.

Огнев в упор посмотрел на него.

— Что происходит? Ты можешь членораздельно мне объяснить?

— А разве что-нибудь происходит?

Он смотрел в направлении, куда ушел Логунов. Вся поза его выражала тревогу.

— Сбили,— сказал, подходя, Логунов.

— Как?

— Первой ракетой.

— Подробности?

— Не успел расспросить. Летчик воспользовался парашютом. Разведчик. Сейчас его доставят в Москву.

Башкирцев деловито кивнул. Потом воровски отвернулся и сунул под язык валидол.

Огнев схватил его за рукав.

— Товарищи! Ну что это вы все время скрываете? Теперь наконец-то можно узнать?

— А зачем тебе это знать? — рассмеялся Башкирцев, — Радуйся, брат, и живи! Гляди, какая грандиозная демонстрация! Беспокоиться не о чем. Все хорошо.

А по площади проходил народ...

...Вращались циклопические чаши антенн. Вдали просматривались ажурные мачты старта. Солнце уже успело скрыться. День подходил к концу.

Башкирцев неторопливо шел по степи, беседуя с будущим космонавтом.

— Нет.— говорил Башкирцев.— Это не ерунда! Всякое может случиться. Собачки собачками, а ты человек. И притом — первый.

— Пугаете, Андрей Ильич.

— Не пугаю, а хочу, чтобы ты осознал и степень опасности и меру риска.

— Да сознаю я, Андрей Ильич! Вы вон больше меня волнуетесь.

— Не признаю смелости за чужой счет! Какая же это к черту смелость! Жизнь, она у человека одна. Другой жизни не будет... Вчера,— продолжал Башкирцев,— на Президиуме ЦК был задан вопрос: гарантирую ли я стопроцентную безопасность? Я прямо ответил — нет, этого я не могу гарантировать. Сделаю все возможное, но гарантировать не могу. Это выше моих возможностей.

— А много было у вас неудач?

— Были, чего уж греха таить! Были.

— И даже в самый последний момент?

— Даже в самый последний. Нет ничего отвратительней лжи — сам не лгу и другим не прощаю. Лучше правда, как она ни горька.

— А жена знает?

— Знает.

— И как?

— Что — как? Плачет.

— Понятно, понятно.— Башкирцев кивнул.— А вообще-то я везучий. А ты? Значит, все будет в порядке. Ведь это недолго — девяносто минут. Один виток и обратно. Ну, десять минут на парашюте. Это уже не в счет...

Он посмотрел на часы.

— Время, время-то как летит! Ну, ступай спать, надежда прогрессивного человечества!

— А вы? — спросил будущий космонавт.

— Я еще похожу.

Потрепав спутника по плечу, он медленно пошел по дорожке.

На старте никто не смыкал глаз. Подходила к концу заправка ракеты, механики следили за стыками труб, по которым перекачивалось топливо. На всех мостках копошился народ. Двигались вверх-вниз лифты.

Башкирцев нервничал. Он ходил вокруг, осматривая с разных сторон ракету. В этом не было надобности, все делалось без него, но он не находил себе места.

— Леня! — окликнул он Сретенского.— Ну как?

— Провели генеральные испытания. Все нормально.

Постояв в раздумье, Башкирцев вошел в лифт и оказался на верхнем мостике. Он хотел, очевидно, заглянуть в люк, но люк был прикрыт предохранительной крышкой.

Облокотясь о перила мостика, Башкирцев смотрел вниз.

Космодром жил предстартовой жизнью, сотни людей передвигались внизу...

Космонавт шел, четко печатая шаг.

У ракеты стояли Башкирцев и Головин.

Быстро и четко прошел доклад. Башкирцев сделал шаг к космонавту. Они обнялись. Башкирцев шепнул ему что-то интимное, быть может, понятное только им двоим.

Космонавт поднялся по лестнице, скрылся в кабине лифта.

Лифт заскользил, унося космонавта.

Башкирцев остался внизу.

Когда Башкирцев вошел в пусковой зал, там уже по радио переговаривались с космонавтом.

— Переключитесь на кабину корабля,— попросил он и впервые увидел космонавта в кабине.

Подошел Костромин.

— Андрей Ильич, Москва на ВЧ.

— Там же Логунов.

— Просят тебя.

Башкирцев нехотя оторвался от монитора и направился к гостевой.

Костромина догнал Беляков.

— Телевизионщики за горло берут, опять с этой Крошкой.

— Ты же знаешь,— сказал Костромин.— Я не решаю этих вопросов. Спроси у Главного — он скажет, как быть.

В гостевой Башкирцев разговаривал по ВЧ.

— Да,— спокойно говорил он.— Пока все идет хорошо... Ну, разумеется, будем докладывать... Спасибо, обязательно передам.

Опустив трубку, он возвратился в пусковой зал.

— Андрей Ильич,— остановил его Беляков,— ради бога, прости, понимаю — неподходящий момент, но телевизионщики одолели.

— В чем дело? Да ты говори.

— Там у нас Крошка ощенилась.

— Что?

— Ну, в общем, она принесла щенят.

— А в чем же вопрос?

К центральному пульту подошел Логунов.

— Можно ли об этом передать по Центральному телевидению в одном из разделов «Эстафеты новостей»?

Башкирцев повернулся к Логунову.

— Как вы считаете, Николай Иванович?

— Я думаю, можно,— сказал Логунов.— Оценилась там Крошка или же нет, по-моему, не является государственной тайной.

— Я тоже так думаю.

— Спасибо, Андрей Ильич,— сказал Беляков.

— А меня за что благодарить? Шарика благодари.

По белому телу ракеты дренировал кислород. Заправка подходила к концу. Последние люди уходили со старта...

Вдоль мониторов шли Башкирцев и Головин. Со всех экранов смотрело на них невозмутимое лицо космонавта.

— Мы тут волнуемся,— сказал Головин,— а он лежит себе... Ну хоть бы глазом моргнул!

— Железный парень! Через полчаса о нем узнает весь мир!

— Сплюнь через левое плечо!

Башкирцев приблизился вплотную к Головину:

— Я уверен.

— Я тоже уверен,— шепнул Головин,— только лучше сплюнуть.

Башкирцев сел за большой монитор.

— Как слышишь меня? Я буду транслировать тебе команды. Прием.

— Слышу вас хорошо,— сказал космонавт.— Прием.

За перископом стоял Сретенский.

— Внимание! — объявил он.— Минутная готовность!

— Есть!

— Есть! — откликнулись операторы.

Башкирцев четко повторил в микрофон:

— Минутная готовность!

— Минутная готовность принята! — сказал оператор центрального пульта.

Исчезли цифры на световых табло, и вспыхнул транспарант «Пуск».

— Ключ на старт!

— Есть ключ на старт!

— Протяжка «один»!

— Есть протяжка «один»!

Бежали секунды на электронных часах... Застыли корабли-наблюдатели в океане... Пришли в движение гигантские чаши антенн на пунктах дальней космической связи... Мир жил по-прежнему... Мир не знал, что человечество на пути в космос...

— Ключ на дренаж!

— Есть ключ на дренаж!

— Протяжка «два»!

— Есть протяжка «два»!

— Зажигание!

Под ракетой вспыхнул огонь.

— Есть зажигание!

Башкирцев придвинул к себе микрофон:

— Зажигание!

— Понял вас,— сказал космонавт.— Зажигание.

Из-под ракеты вырвался огненный шквал и обрушился в бетонный лоток...

— Есть предварительная... Промежуточная!.. Главная! Подъ-ем!

Раздвинулись фермы силового пояса. Ракета встала на огненный хвост.

— Слышишь меня? — крикнул Башкирцев.— Счастливо!

Уже надвинулся шорох помех, снаружи уже обрушился грохот двигателей, и через это прорвался крик — задорный, радостный крик космонавта:

— По-о-ехали! — закричал он.

Ракета уходила за облака.

...Во Владимирском зале Кремля стояли Башкирцев и Логунов.

— Счастлив? — спросил Логунов.

— А ты? — произнес Башкирцев и сам же ответил себе.— Вижу по глазам.

— Ради этого стоило жить,— сказал Логунов.

Он обнял Башкирцева, и они направились в Георгиевский зал.

В Георгиевском зале шел правительственный прием. Речи были произнесены, космонавту вручены награды: орден Ленина, Золотая Звезда, знак летчика-космонавта; он, счастливый, разгуливал среди гостей в новеньких погонах майора.

Его фотографировали с разных сторон, без передышки работали кинокамеры.

В зале стоял сдержанный гул. Царило праздничное оживление.

...Башкирцев выбрался из толпы, пересек зал, подошел к столу. Навстречу ему двинулся Головин.

— А, вон он где! А я его по всем палатам ищу! — Он сграбастал Башкирцева, обнял его и шумно расцеловал.— Молодец! Поздравляю со второй звездой!

— Что ж ты меня одного? Всех поздравляй! И Леонид вон теперь герой, и Мишка Карелин!

— Да мы уже поздравляемся третий час,— сказал Головин.— Едва на ногах стою. Подай-ка чарочки! Да не «Камю!» На кой нам этот «Камю!» Нашу, отечественную!

Кто-то начал им наливать.

— Ну куда ты льешь? Ты в фужер наливай! Да не так, а до края!

Поднял полный фужер.

— И кто мог подумать, Андрей Ильич, что все это обернется таким политическим резонансом?

— А теперь даже футбольный матч не обходится без политического резонанса! — под общий смех сказал Костромин.

У всех просто разрывались сердца от ощущения торжественности и веселья.

— Андрей! — провозгласил Головин.— За тебя!

— Почему именно за меня,— запротестовал Башкирцев. За всех!

— За тебя! За тебя!

Но Башкирцев упрямо замотал головой.

Он стоял с бокалом в руках на фоне окна, за которым вспыхивали, гасли и вспыхивали вновь разноцветные россыпи фейерверка.

— Товарищи,— сказал он, и голос его задрожал.— Я хочу выпить за нас... Не за кого-либо персонально, а за миллионы и миллионы нас, имя которым — народ! Человечество вступило в космический век. Оно шагнуло в иную эпоху, и мост для него перекинули мы... Те самые мы, которые мерзли по магнитогорскам, лопатами строили Днепрогэс и Турксиб, хлебали и голод и холод, отстояли Москву и ворвались в Берлин! Я оглядываюсь на свою жизнь — чего только в этой жизни не было! Но я счастлив, что родился на этой земле и всегда был вместе с моим народом! Пройдет каких-нибудь двадцать лет, и в космос станут летать по профсоюзным путевкам, люди достигнут ближайших планет — Луны, Марса, Венеры... Возможно, мы с вами не доживем — доживут дети. Но никто никогда не повторит того, что было совершено нами. Мы были первыми и останемся ими уже на века! А это так трудно быть первыми... Давайте выпьем...— он помолчал — за нашу Родину, которую в мире называют

Россией... За нашу партию.. За наш прекрасный народ... За первую нашу Страну Советов!

Бокалы сдвинулись. Их осушили до дна.

И вдруг Башкирцев тихо запел песню их отшумевшей юности, песню, знакомую и родную до слез...

«Слушай, рабочий,
Война началася, Бросай свое дело,
В поход собирайся!..»
И все подхватили припев:
«Смело мы в бой пойдем.
За власть Советов!
И, как один, умрем
В борьбе за это!»

Пели членкоры и академики — комсомольцы тридцатых годов, и слезы стояли у них на глазах...

Они вышли из Спасских ворот и остановились как зачарованные на площади.

Красная площадь была пуста. К Мавзолею, печатая шаг, прошел наряд часовых. Рассыпался в воздухе перезвон курантов.

— Хорошо! — вырвалось у Башкирцева.— До чего же все хорошо! Просто прекрасно!

Его распирало от полноты чувств. Он притянул Огнева и расцеловал, потом — Костромина, Одинцова, Карелина, Сретенского и так, по очереди, их всех.

— Неудобно,— сказал Леонид.— Зачем обижать Минина и Пожарского? Нужно поцеловать и их.

— А что! — весело воскликнул Башкирцев.— Подумаешь, испугал! Возьму вот и поцелую!

Потом вся компания завалилась к нему. Башкирцев еще раздевался в передней, когда в кабинете зазвонил телефон.

— Леонид, меня нет.

— Андрей Ильич! Какая-то дама! Голос приятный!

— Хорошенькая? — воскликнул Огнев.— Зовите ее к нам!

— Слушаю,— сказал он.— Да... Башкирцев. Кто это говорит?

— Я,— ответили по ту сторону провода.

— Извините, но кто это — вы?

— Я, Наташа!

— Наташа? — И что-то оборвалось. — Наташка! — радостно вскрикнул он. — Ты откуда звонишь?

— Я в Москве. Я уже две недели в Москве.

— Как — две недели? А почему я не знал?

— Я звонила четырнадцать раз, но застать тебя невозможно.

— Правильно. Я вернулся вчера. Вот неудача!

В кабинет вошел Головин. Он с удовольствием растянулся в кресле и начал расстегивать парадный мундир.

— Ты можешь сейчас же явиться ко мне? Дай адрес, я высылаю машину!

— Нет,— сказала она.— Сейчас не могу. Я уже уезжаю.

— Как—уезжаешь? С чего это вдруг?

— Не вдруг, а согласно командировке. Срок командировки истек.

В кабинет вошли еще несколько человек. Сразу сделалось шумно.

— Минуту,— сказал Башкирцев.— Простите меня. Это действительно важно.

— А от нас, как известно, секретов нет! — сказал Головин. — Мы народ проверенный!

Но Сретенский уже выдворял их за дверь, действуя решительно и бесцеремонно.

— Сегодня была на площади,— сообщила она.— То, чем ты занимаешься, как-то связано с ним?

— С кем? С космонавтом? В общем-то... относительно.

— Все-таки это здорово, что мы первые — да?

— Еще бы! Конечно, здорово! Ты уезжаешь прямо сейчас?

— Самолетом, в пять сорок. До отлета два с половиной часа. Жаль, что мы не увидимся.

Она говорила из номера. Номер был небольшой. Окно выходило на улицу Горького. Внизу проносились огни редких ночных машин. Она говорила и смотрела в окно.

— То есть как это — не увидимся? С чего ты взяла?

— Но у тебя же там гости. Оставь, пожалуйста, в покое часы!

— Постой,— не понял Башкирцев.— Какие часы? С кем это ты говоришь?

— Да тут... с одним человеком.

Алеша тоже смотрел в окно и от нечего делать развлекался часами.

— С Алешей? — воскликнул Башкирцев.— Он что, с тобой?

Она не ответила. Прикрыв микрофон ладонью, повернулась к нему.

— Ты будешь слушаться или нет? Положи сейчас же на место!

— Алеша с тобой? Почему ты молчишь?

— Андрей,— сказала она, пытаясь перевести разговор.— Ну зачем ты прислал ему мотоцикл? Ты бы еще додумался прислать «Ту-104»!

— Ты не ответила на мой вопрос!

— Мама, я уже положил! — ворвался в трубку знакомый голос.

У Башкирцева просветлело лицо.

— Алешка! — шумно выдохнул он.— А ну-ка подать его к телефону!

«Чайка» Башкирцева неслась по Москве. Она летела по осевой, и регулировщики встречали ее зелеными сигналами светофоров.

Башкирцев ворвался, как метеор. Это был обычный двухкомнатный номер: стандартная мебель, торшер в углу, за застекленной дверью — кровать и шкаф.

Наташа уже была в пальто. У ног ее стоял чемодан.

— Ну здравствуй! — воскликнул Башкирцев и стал искать глазами его.

— Да вон же он, вон,— сказала Наташа и показала на дверь.

Оттуда выглядывала физиономия мальчишки.

— Алешка! — ахнул Башкирцев.— Как же, бандит, ты вырос! Ну иди сюда. Ты что, не узнаешь меня?

— Узнаю,— неторопливо ответил мальчишка, все так же издали, не приближаясь к нему.

Он поймал его руку, рванул к себе, поднял, расцеловал.

Наташа смотрела на них, потом отвернулась к окну. Внизу лежала пустая улица Горького.

— Снизу уже звонили. Пришло такси,— глухо сказала она.

— Подождет,— отмахнулся он, бросился к ней, стал целовать ее руки.— Наташка, это судьба! Только что завершено грандиозное дело! Давай разберемся и в наших делах... Короче — один я отсюда, без вас,— не уйду!

— Такие вещи не решаются штурмом,— с какой-то грустью сказала она.— И поздно, поздно уже, Андрей.

Наклонилась, взяла чемодан.

— Пора спускаться вниз.

Мальчишка, кусая губы, стоял в углу и исподлобья смотрел на них.

— Я прошу тебя... Ну не надо... уезжать из Москвы.

— Перестань...— сказала она.

Он отрицательно замотал головой, ища глазами ее глаза, словно каждое ее слово доставляло ему нестерпимую боль.

— Перестань,— повторила она.— Наконец, это просто смешно!

— Мне это совсем не смешно,— тихо сказал он.

Отвернулся, снова схватил мальчишку, и тот доверчиво прижался к нему.

Над Москвой занимался рассвет. В тишине рассыпался перезвон курантов.

Башкирцев протянул руку и выключил свет.

Наташа сидела в пальто. Он сидел напротив нее. Мальчишка уснул. В номере было светло.

— Я все время куда-то спешил... Мне хронически не хватало времени — то месяца, то недели, то дня...

— К чему этот пустой разговор? — устало сказала она.— И черт меня дернул тебе позвонить!

— Ладно.— Он резко поднялся.— Пошли.

Наташа осторожно прикоснулась к мальчишке.

— Алеша, вставай... Ну где мы теперь раздобудем такси?

— У меня — машина.

«Чайка» шла по пустой Москве. Гасли гирлянды праздничной иллюминации, гасли уличные фонари...

Они сидели с Наташей вдвоем, Алешка устроился впереди. Положив подбородок на приборный щиток, мальчишка смотрел вперед.

— Куда это он повернул? — встревоженно спросила она.

— Объезд,— успокоил он.— Там делают переход.

Взял ее руку, придвинулся к ней.

Давай заскочим-ка ко мне на минуту? У меня, понимаешь, полно гостей... Кстати, увидишь, как я живу, а я похвастаюсь сыном...

— В другой раз,— сказала она.

— Другого такого раза не будет! Сегодня я — именинник, сегодня — мой день, а тут еще ты с Алешкой на счастье... Ну не ломайся, давай!

— Не могу.

— Можешь,— заверил он.— Если захочешь, сможешь!

Машина нырнула под мост, обогнула его, вырвалась на широкий проспект, развернулась на перекрестке и опять нырнула под мост. Сделала круг, еще один круг, третий, четвертый...

Улицы были абсолютно пусты. Мигали желтые огни светофоров.

— А хочешь,— вдруг предложил он,— я договорюсь с вашим обкомом? Кто там у вас в первых — Зимин? Кажется, Савелий Степанович? — Снял трубку прямо в машине.— Крымский обком. Зимина. Квартиру.

— А не позвонить ли тебе прямо в ООН? — сказала она. — У Тану? Ты намерен катать меня целый день?

Башкирцев положил трубку.

— Нет, не намерен. Кстати, вот он, мой дом. Мы крутимся вокруг дома. Миша, хватит. Останови.

Нехотя вышла она из машины.

— Покажи-ка мне свой билет,— сказал он. Повертел в руке.

— Недействителен.— И сунул в карман.

— Действуешь с позиции силы?

Башкирцев кивнул.

— Полетите моим самолетом.

— У тебя даже свой самолет? Ты кто — шахиншах?

Он снова кивнул.

— Примерно.

В кресле, в передней, спал Карташов. Наташа его не узнала. Остальные уже ушли.

На стене он увидел записку: «Андрей, ты свинья!» И внушительную колонку подписей.

Башкирцев прошел в кабинет, опустил мальчика на диван, сняв с себя пальто, укрыл мальчишку.

Наташа увидела Золотую Звезду. Это поразило ее. Потом она стала рассматривать кабинет: модели различных двигателей, космических кораблей, искусственных спутников, фотографию невидимой стороны Луны, копию лунного вымпела... Взгляд ее остановился на фотографии, стоящей на столе. Фотография запечатлела его вместе с Алешей.

— Вот,— сказал он,— вся моя жизнь. Как на ладони.

— Я не знала,— сказала она,— что все это ты.

И наступило молчание.

— То, что я делал и делаю, связано с обороной страны. Этим я занимаюсь, в общем-то, главным образом. И еще, как ты видишь, Спутники, космические корабли и прочее, прочее, прочее...— Он помолчал.— Мне даны большие права... Привлекать каждого, кто мне нужен... Так вот, понимаешь, ты мне нужна.

— Ты в этом абсолютно уверен?

— Ты мне нужна! — повторил он.— Больше, чем пятьдесят академиков со своими институтами и КБ! Ты и мой сын. Это то, что называется жизнью. Я выматываюсь до тошноты... Прихожу вот в эту пустую квартиру... Сижу тут и думаю о тебе... Я и вправду уже сдаю — стал слезливым и сентиментальным...

— И это мне говоришь ты? — сказала она.— Таким я тебя не знала.

На диване спал мальчик, укрытый пальто.

— Вот,— сказал он.— Такие дела. Такая, понимаешь, аптека...

... Он лежал на обочине. У него были открыты глаза. Казалось, что он уже не дышал... Лил дождь.

Огнев стоял над ним и держал пиджак. Но капли все же падали сверху и стекали струйками по лицу. В глубоких глазницах Башкирцева стояла вода.

Он еще жил... Минувшее и действительность мешались в его угасавшем мозгу.

... В прозрачном бездонном небе парил планер.

... Бежала девчонка — та самая босоногая из детства или мечты...

Лил дождь... Неслась «скорая помощь», мотаясь по серпантину шоссе.

Бежала, спешила девчонка... Как в старом немом кино — на выручку в самый последний момент...

И опять — планер и все та же девчонка...

И машина, летящая по шоссе...

И Огнев в рубахе, промокшей насквозь...

И девчонка... Ее он увидел в свой самый последний миг.

Из машины «скорой помощи» выскочил Костромин. Он побежал прямо по лужам. За ним спешил Головин...

Планер ударился о скалу и медленно стал деформироваться, превращаясь в ничто...

И в тишине возник новый звук — перезвон кремлевских курантов.

Развернулась панорама Москвы — с крышами московских домов, с кремлевской стеной, с церковными куполами...

Обычный московский пейзаж. Обычный московский день. По Калининскому проспекту несся поток машин.

Панорама задержалась у подножия кремлевской стены. Три алые гвоздики. Табличка: «Башкирцев Андрей Ильич». Дата рождения. Дата смерти.

«Внимание! Говорит Москва! Работают все радиостанции Советского Союза и Центральное телевидение. Передачи транслируются по каналам системы Евровидения и Интервидения.

Наши микрофоны и телевизионные камеры установлены на пусковой площадке космодрома Байконур»...

На старте, уже изготовившаяся к прыжку, застыла ракета.

К ней медленно шли три космонавта.

У ракеты стоял Головин. Но рядом с ним вместо Башкирцева был новый главный конструктор — Огнев.

Шли космонавты.

Огнев переглянулся с Головиным. Они подумали об одном и том же.

На глаза Огнева навернулись слезы.

Командир корабля отдал рапорт Головину.

Медленно стал подниматься лифт.

Потом опустела площадка.

Потом фермы обслуживания отошли.

Сретенский в пусковом зале сосредоточенно смотрел в перископ. За перескопом Башкирцева стоял теперь Огнев.

А портрет Башкирцева висел в гостевой на стене. Башкирцев улыбался с портрета.

— Ключ на старт!

— Есть ключ на старт!..

... Под ракетой забушевало пламя.

И вот уже стала удаляться земля, и космодром с многочисленными сооружениями превратился в спичечный коробок.

Слой за слоем пробивались белые облака, небо плавно меняло окраску: из прозрачного сделалось голубым, фиолетовым, черным...

За ракетой тянулся длинный огненный шлейф. Отработав, отделились ступени, а ракета все шла и шла, устремляясь уже в бесконечность.

И в этом ее полете как бы воплотился весь путь, к истокам которого нас возвращала память.

... И пронизанный ледяными ветрами Магнитогорск...

... И первая крохотная ракета Карташова...

... И первые залпы наших «катюш»...

... И стендовые испытания первого реактивного...

... И запуск первой ракеты после войны...

... И первый искусственный спутник...

... И фотография невидимой стороны Луны...

... И первый полет человека...

... И выход в открытый космос...

... И первые шаги по Луне...

А ракета все удалялась от нас, раздвигая, как факел, черноту неба.

ФИЛЬМОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

«Укрощение огня» — цветной широкоформатный художественный фильм. Производство киностудии «Мосфильм», 1972.

Автор сценария и режиссер-постановщик Д. Храбровицкий. Главный оператор — С. Вронский. Художник-постановщик — Ю. Кладиенко. Композитор — А. Петров. Звукооператоры — Ю. Рабинович, Р. Берз.

Роли исполняют: К. Лавров — Башкирцев, И. Горбачев — Огнев, А. Попов — Логунов, И. Владимиров — Головин, И. Смоктуновский — Циолковский, З. Гердт — Карташов, В. Сафонов — Сретенский, А. Роговцева — Наташа и другие.

Храбровицкий Д. Я.

Х 88 Укрощение огня. Киносценарий. М., «Искусство», 1973.

176 с. с ил. («Б-ка кинодраматургии»)

Сценарий Д. Храбровицкого «Укрощение огня» — киноэпопея, посвященная покорителям космоса.

Р2

Даниил Яковлевич Храбровицкий

«УКРОЩЕНИЕ ОГНЯ»

Киносценарий

Редактор **Л. А. Ильина.** Художественный редактор **И. С. Жихарев.** Художник **Г. К. Александров.** Технический редактор **Н. Г. Карпушкина.** Корректор **Н. Л. Островская.** А01880. Сдано в набор 12/XII 1972 г. Подписано к печати 8/V 1973 г. Формат издания 70x90 1/32. Бумага тифдручная. Усл. печ. л. 6.435 Уч.-изд. л. 8,854. Тираж 30 000 экз. Изд. № 15104. Издательство «Искусство», Москва, К-51, Цветной бульвар, 25. Заказ № 1901. Фотонабор.
Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. г. Калинин, пр. Ленина, 5. Цена 46 коп.